

ЗОЛОТОЙ ВЕК
ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Питер ЛАВСИ

ПАСЬЯНС
ДАЙМОНДА

Питер Лавси
Пасьянс Даймонда
Серия «Золотой век продолжается»
Серия «Питер Даймонд», книга 2

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24202572
Пасьянс Даймонда: АСТ; Москва; 2017
ISBN 978-5-17-097609-6

Аннотация

Японская девочка потерялась в знаменитом лондонском универмаге «Харродс» и была обнаружена охранниками только после закрытия – казалось бы, что в этом криминального? Однако Питер Даймонд уверен: это не банальная случайность!

Где родители малышки? Почему ее никто не ищет? И, что самое главное, почему она упорно молчит и не идет на контакт со взрослыми?

Прежде чем он успевает получить ответы на эти вопросы, девочка бесследно исчезает из приюта, и Даймонд пускается на поиски, в которых промедление может стоить ребенку жизни...

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	11
Глава третья	14
Глава четвертая	26
Глава пятая	43
Глава шестая	55
Глава седьмая	67
Глава восьмая	77
Глава девятая	89
Глава десятая	110
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Питер Лавси

Пасьянс Даймонда

Peter Lovesey

DIAMOND SOLITAIRE

© Peter Lovesey, 1992

© Перевод. А. Соколов, 2016

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Глава первая

Сигнал тревоги непрекращающимся, буравящим звуком разорвал тишину в «Харродсе». Дежуривший у пульта охранник Лайонел Кентон приподнялся со стула, рука потянулась к шее и поправила узел на галстуке. На панели перед ним мигал один из светодиодов – красный. Если система работала правильно, кто-то или что-то активировало датчик на седьмом этаже. Лайонел нажал кнопку включения видеонаблюдения на этом этаже. На экранах мониторов никакого движения.

В эту ночь Кентон был старшим из охраны. Он дослужился до того, что имел личную полку над радиатором отопления, где держал свои вещи. Там хранились фотографии его жены и двух дочерей, папы римского и Катрин Денев, слоник из черного дерева и коробка с кассетами записей оперной музыки. Пуччини не дает мне ночью уснуть, объяснял Лайонел, если находился ханжа, который спрашивал, зачем он держит в дежурке «оперу». Никто не заснет. Музыка надежнее, чем газета или дешевая книжонка. Глаза у него следят за всем, что сообщает пульт, а уши улавливают любой несовместимый с музыкой звук.

Кентон выключил Паваротти и тронул кнопку, открывающую прямую связь с полицейским участком Найтбриджа. Там уже должны были получить сигнал тревоги. Он сообщил

свою фамилию и продолжил:

– Проникновение. Сигнал получен с седьмого этажа. Мельбей, девятая секция. На экране пусто.

– Сообщение получено в двадцать два сорок семь.

– Кто-нибудь подъедет?

– Разумеется.

Кентона охватила тревога. Он еще раз осмотрел седьмой этаж. Камеры не выявили никаких нарушений, хотя он и не слишком полагался на систему видеонаблюдения. Любой террорист знает, как держаться вне зоны видимости объективов. А в данном случае приходилось признать, что на седьмом этаже находится террорист.

Двадцать два ночных охранника размещались в различных частях здания. Кентон объявил общую тревогу и приказал отключить лифты. Защитные двери между секциями закрыты и находятся в таком положении с тех пор, как ушли уборщики. В деле борьбы с терроризмом ни в чем нельзя быть уверенным, но проникнуть в «Харродс» – задача поистине невыполнимая. Если кто-нибудь находится в здании, то ему пришлось бы спрятаться в момент закрытия универмага и с тех пор умудриться не попасться никому на глаза. В таком случае кто-то рискует остаться без места. И этот кто-то – охранник, проверявший девятую секцию. В подобной работе ошибки не допускаются.

В дежурку ворвался заместитель Кентона в эту смену Джордж Буллен. Он совершал обход, когда прозвучала тре-

вога.

– Откуда сигнал?

– С седьмого.

– Будь оно неладно!

Отдел мебели представлял собой рискованную зону, осмотреть которую не так-то просто. Там громоздились шкафы, буфеты, комоды и многое другое. В подобном помещении ежевечерние проверки в поисках злоумышленников – сплошная морока. И вполне понятно, но непростительно, что дежурный охранник, измотанный открыванием шкафов и заглядыванием в ящики, мог пропустить какого-нибудь типа, скрывавшегося за этим нагромождением барахла.

Еще один светодиод замигал на пульте, и на одном из экранов вспыхнули фары въезжающего в зону доставки товаров автомобиля. Полицейские не заставили себя ждать. Кентон велел Буллену спуститься и встретить их.

Сразу прибыли патрульная машина и два фургона. Появились снайперы и кинологи с собаками. На подходе были другие автомобили, и их проблесковые маячки залили зону доставки товаров зловещим свечением. Кеннет почувствовал, как у него похолодело внутри. Полицейские не станут выдвигать его на звание лучшего охранника года, если вдруг выяснится, что он поднял тревогу из-за сбоя в системе.

Из машины выскочил полицейский и подбежал к нему.

– Вы кто?

– Кентон.

– Старший?

Лайонел кивнул.

– Вы вызвали полицию?

– Да.

– Седьмой этаж?

– Отдел мебели.

– Пути доступа?

– Две лестничные клетки.

– Всего две?

– Секция отделена закрытыми дверями безопасности.

– А лифты?

– Отключены.

– Кто-нибудь из ваших сотрудников находится на лестницах?

– Да, это обычный порядок. Лестницы охраняются и выше, и ниже седьмого этажа.

– В таком случае, ведите.

Более тридцати полицейских, кинологи с собаками и сотрудники в штатском последовали за Кентоном по первому этажу к ближайшей лестнице. От них отделилась группа с дюжину человек и устремилась наверх. Оставшихся Кентон повел ко второй лестнице.

Подъем на седьмой этаж оказался для него испытанием на выносливость. И он с облегчением услышал команду остановиться между шестым и седьмым этажами. Но еще с большим облегчением заметил, что четверо из его людей находи-

лись именно там, где, как он заявил, они должны дежурить. Пока велись переговоры с группой на другой лестнице, появился шанс передохнуть.

– Опишите обстановку.

Как правило, полицейские снайперы хотят убедиться, какое им обеспечено укрытие. Человек из команды Кентона, бывший сотрудник управления уголовных расследований, здоровяк по фамилии Даймонд, доложил, как расставлена мебель на стендах неподалеку от лестницы. В эту смену Питер Даймонд отвечал за мебельный отдел.

Ах ты, паршивец несчастный, подумал Кенетон. Уж на что у меня в утробе плохо, но у тебя видок будет похуже.

Трое снайперов одолели последний пролет, а остальные заняли позиции ниже. Самое неприятное – ждать неизвестного в то время, как другие идут с этим неизвестным разбираться. Кто-то предложил Кентону жевательную резинку, и он с благодарностью принял ее. Нервотрепка продолжалась минут шесть, а затем из рации старшего раздался голос:

– Ничего.

На помощь были отправлены две собаки с кинологами. Еще несколько долгих мгновений тишины. Охранник Даймонд находился слева от Кентона. Сложил руки, сплетя, словно в молитве, пальцы, только побелели от напряжения ногти. Когда по хрипящей рации кто-то объявил: «Мы взяли злодея», Кентон замер.

– Скрутили? – уточнил старший.

- Идите, посмотрите.
- Уверены, что он один?
- Абсолютно.

Тон был обнадеживающий. Тем более странно – ведь напряжение достигло высшей точки. Полицейские и охранники универсама кинулись вверх по лестнице. Седьмой этаж был полностью освещен. Снайперы собрались у секции, где были выставлены кресла и канапе. Но никто не взял оружия на изготовку. Наоборот, держались так, словно собрались на вечеринку с вином и сыром. Двое сидели на ручках кресел. И никаких признаков арестованного. Кентона прошиб холодный пот, и он вместе с остальными приблизился к полицейским:

- Вы же сказали, что кого-то взяли?

Один из снайперов указал на диван. Черный, большой, с обивкой из рубчатого плиса – такой диван с удовольствием поставил бы в своей приемной любой рекламный воротила. С одного конца была навалена гора ярких подушек, и из-под нее выглядывало лицо – маленькой девочки, с челкой черных волос и азиатскими глазами. Кроме лица, ничего не было видно.

Кентон в изумлении уставился на нее.

- Вот так-так, – процедил старший полицейский.

Глава вторая

– Понимаю расклад, – заявил охранник Питер Даймонд, отвечавший за отдел мебели в тот вечер, когда там обнаружили девочку. – Ты меня выставишь вон.

Расклад был совсем не в его пользу. Отнюдь не молод – сорок восемь лет. Женат. Проживает в Западном Кенсингтоне, бездетный. Бывший полицейский. Дослужился до чина суперинтенданта, но из-за разногласий с заместителем начальника полиции подал в отставку и ушел из управления Эйвона и Сомерсетшира. Недоразумение, комментировали знающие люди. Но Даймонд был слишком горд, чтобы проситься обратно на свое место. После ухода из полиции он сменил несколько работ и в итоге оказался в Лондоне в службе охраны универмага «Харродс».

– Мне не следовало бы это говорить, Питер, – произнес начальник службы, – но тебе чертовски не везет. Вообще, не считая данного дела, твой послужной список здесь можно назвать образцовым. Ты мог бы претендовать на более высокий пост.

– Порядок есть порядок.

– К сожалению, да. Что касается рекомендаций, мы не поспеем, а в остальном...

– Иными словами, служба в охране исключается?

По лицу Даймонда трудно было судить, что он чувствует.

У толстых – а он был толст – бывает выражение, когда кажется, будто они то ли злятся, то ли удивляются. Поди разбери, что именно.

Начальник с готовностью продемонстрировал, как ему неловко: покачал головой и развел руками – мол, ничего не могу поделать.

– Поверь, Питер, меня от всего этого воротит.

– Ладно, проехали.

– Я хочу сказать, что не уверен, что сам засек бы девчонку.

Под подушками она была практически незаметна.

– Я поднимал подушки, – возразил Даймонд.

– Неужели?

– Когда совершал обход, ее там не было. Это точно. Я всегда там проверяю. Удобное место, чтобы спрятать устройство. Девчонка пряталась в другом месте, а туда забралась позднее.

– Как же ты ее пропустил?

– Скорее всего принял за дочь какой-нибудь уборщицы.

Они иногда приводят с собой детей. Некоторые из них вьетнамки.

– Эта, думаю, японка.

– Думаешь? Разве никто не заявлял о пропаже ребенка?

– Пока нет.

– Девочка сказала, как ее зовут?

– С того момента, как ее нашли, не проронила ни слова. Перебрали много переводчиков, потеряли день, пытаюсь

хоть что-нибудь выудить, но она молчит.

– Может, немая?

– Судя по всему, нет. Но не произносит ничего вразумительного.

– Глухая?

– Нет, на звуки реагирует. Загадка.

– Надо отвести девочку на телевидение. Кто-нибудь ее узнает. Ребенок найден ночью в универмаге «Харродс». Такой сюжет пресса сразу подхватит.

– Естественно.

– Ты в этом вроде не уверен?

– Уверен, Питер, однако существуют другие, не менее важные соображения – наша репутация. Я не хочу объявлять на весь мир, что маленькая девочка проникла сквозь кордон нашей системы безопасности. А когда журналисты подкатят к тебе, буду признателен, если не станешь откровенничать с ними.

– По поводу чего? Системы безопасности? Не буду.

– Спасибо.

– Но полиции рот не заткнешь. У них нет интереса хранить историю в тайне. Пройдет немного времени, и кто-нибудь проговорится.

Начальник охраны вздохнул, повисло неловкое молчание.

– Так когда мне освободить мой шкафчик в раздевалке? – спросил Даймонд. – Немедленно?

Глава третья

Священник посмотрел в доверчивые глаза вдовы и поспешно произнес:

– Это еще не конец света.

Слова утешения были сказаны приятным летним вечером в гостинной загородного дома в Ломбардии где-то между Миланом и Кремоной. Пастырское попечение, как называл его отец Фаустини. Помощь потерявшим близких – священная обязанность служителя церкви. Слов нет, на сей раз пастырское попечение изрядно затянулось – перевалило на второй год. Но овдовевшая в двадцать восемь лет Клаудиа Коппи – особый случай.

Ее муж Джованни погиб совершенно нелепо – его ударило молнией на футбольном поле. «Почему она попала именно в него? – спрашивала Клаудиа. – Ведь кроме него там были еще двадцать один игрок, судья и два боковых. Неужели такова Божья воля? Убить из всех его одного?»

Отец Джованни каждый раз отвечал, что пути Господни неисповедимы. Клаудиа смотрела на него большими, темными, доверчивыми глазами – она работала моделью, – и он неизменно добавлял, что неправильно оставаться жить в прошлом.

Священник и молодая вдова сидели на возвышавшихся по периметру пола подушках. Клаудиа, как обычно, радуш-

но откупорила бутылку «Бароло», вина с насыщенным вкусом из виноградников Маскарелло, и предложила сырны крекеры. Солнце только что закатилось, но включать электричество в такой великолепный вечер было бы святотатством. Сквозь открытые во внутренний дворик двери доносился крепчающий в остывающем воздухе запах стада. К вилле примыкал великолепный сад, орошаемый дождевальнoй установкой. Джованни не нуждался в деньгах – он хорошо зарабатывал в качестве фотографа журналов мод – и, когда обустроивал виллу, пригласил ландшафтного архитектора. Отдаленное расположение дома означало для отца Фаустини трехмильную поездку на мопеде, но он не жаловался. В свои сорок лет он обладал завидным здоровьем. Крепкий мужчина с жесткими, черными кудрями и густыми усами.

– Вам стало много лучше, – заметил он.

– Это показное, – произнесла вдова Коппи. – А внутри я очень напряжена.

– Правда? – Священник нахмурился, но лишь отчасти из-за беспокойства о ее внутреннем состоянии. Он порадовался, что в комнате стемнело и она не замечает его тревоги.

– Моя постоянная проблема – стресс, – объяснила она. – Проявляется в мышцах. Я ощущаю его в плечах, в верхней части тела.

– Как прежде?

Клаудиа промолчала. И отец Фаустини тоже напрягся.

– На прошлой неделе вам удалось добиться того, что я

ощутила релаксацию, – сказала Клаудиа.

– Вот как?

– Это было настоящее чудо.

Он кашлянул в смущении от подобного определения.

– Изумительно, – добавила она. – Не могу передать, насколько лучше я себя ощущала.

– Это долго длилось?

– Четыре дня, святой отец. Мне больше некого молить.

Это прозвучало так, словно Клаудиа просила милостыню. Иногда отец Фаустини приносил покупки для престарелых членов своей паствы, часто собирал лекарства. Рассказывали, что он колол дрова и варил суп для попавших в трудное положение душ. Так что плохого в том, что он массирует больные плечи Клаудии Коппи? Лишь то, что это вызывает диссонанс в нем самом. Разве справедливо отказывать ей в христианской помощи только потому, что он сам морально и духовно слаб?

В последние две пятницы он оказывал ей подобную услугу. С готовностью поколот бы дрова, но центральное отопление дома вдовы работало на мазуте. Съездил бы за покупками, но все необходимое ей дважды в неделю доставляли из лучшего супермаркета Кремоны. У нее были садовник, повар и уборщица. И единственное, чем он мог ей помочь, – выполнить то, о чем она его просила. Несчастная молодая женщина не могла массировать свои плечи. Во всяком случае, не настолько эффективно, чтобы снять мышечное на-

пряжение.

Был еще один фактор, который заставлял отца Фаустини колебаться. Раз в неделю в храме он выслушивал исповедь Клаудии Коппи. В последнее время она часто признавалась в том, что ее одолевают неблагочестивые мысли и плотские желания. Не в его правилах было интересоваться на исповеди деталями, если установлен факт греха. И он точно не знал, было ли это связано с его посещениями виллы.

– Я нашла нечто такое, что можно втирать, если вы не возражаете.

Священник нервно кашлянул и положил ногу на ногу. Это было нечто новое в их общении.

– Обезболивающий крем? – Он постарался сосредоточиться на процедуре мышечного массажа и вспомнил излюбленные футболистами составы. Некоторые так сильно воняли, что выжимали из глаз слезы.

– Скорее увлажняющий. Лучше для моей кожи. Хорошо разглаживает. Попробуйте. – Клаудиа капнула ему на руку какой-то состав.

Он тут же его стер.

– Пахучий.

– Отдает мускусом. Подержите баночку, а я пока сниму блузку.

– В этом нет необходимости, – быстро проговорил священник.

– Святой отец, она же шелковая, я не хочу испортить ее.

– Нет, нет, синьора, прикройтесь.

– Я еще даже не расстегнула пуговицы, – рассмеялась Клаудиа и добавила: – Неужели здесь так темно?

– Я не смотрел.

– Вот и хорошо. Тогда я подставляю вам спину.

Отец Фаустини услышал шорох материи, когда блузка соскользнула с ее плеч. Вот теперь перед ним возникла настоящая дилемма. Голос Клаудии звучал естественно и бесстрастно. Но сто́ит ему начать возражать, как ситуация перерастет в моральный кризис. Может показаться, будто он позволяет влиять на себя тому, что услышал от нее на исповеди.

– Только немного, – попросила Клаудиа. – Втирайте постепенно.

Прогнав тревоги, он зачерпнул пальцем состав и размазал по ладони. Клаудиа, как и обещала, уже подставила ему спину. Отец Фаустини нанес ей увлажнитель на шею.

– Ох, вы же сдернули бретельки!

– Ничего подобного, – возразил он. Но бретельки бюстгалтера как-то сами спали с ее плеч.

В прошлый визит его уговорили массировать сквозь футболку без втираний. Сегодняшний опыт был в новинку. Прикосновение к коже Клаудии волновало больше, чем Фаустини осмеливался признать. Он провел рукой по изгибу ее плеч и ощутил под пальцами теплоту. Плавность линий стала для него откровением. Добравшись до округлых оконечностей, замер.

– Блаженство, – выдохнула Клаудиа.

Через мгновение отец Фаустини опомнился и стал наносить увлажнитель на лопатки и позвоночник вплоть до самой шеи. Клаудиа наклонила голову вперед, и ее длинные темно-каштановые волосы упали ей на лицо. Отец Фаустини ошупал ее дельтовидные мышцы, размял, проверил границы. Несмотря на жалобы Клаудии на мучившее ее напряжение, все было достаточно подвижно, но он и не утверждал, будто обладает опытом массажиста.

– Дайте знать, если причину неудобство.

– Помилосердствуйте, – пробормотала Клаудиа. – У вас потрясающие руки.

Он продолжал слегка нажимать у основания шеи, как вдруг вдова подняла голову и закинула волосы назад.

– Достаточно? – спросил отец Фаустини.

Он надеялся, что сеанс завершен. Прикосновение ее волос к тыльной стороне ладони вызвало ощущения, недостойные его сана. Но Клаудии Коппи достаточно не было. Она сказала, что все еще испытывает напряжение в руках ближе к плечам.

– Здесь? – уточнил отец Фаустини.

– Да, именно здесь. Не возражаете, святой отец, если я обопрюсь о вас спиной? Так будет удобнее. – Клаудиа не стала ждать его согласия.

Уперлась затылком в грудь, волосы коснулись его щеки. В ту же секунду она схватила его руки, крепко сжала и по-

тянула вниз.

Только теперь отец Фаустини заметил, что ее груди ничем не прикрыты. Она влекла его руки к ним. Священник сдался и, ощупывая запретные плоды сверху и снизу, восхищался их волнующей полнотой и безошибочно ощущал возбуждение женщины. Демон соблазна. Невероятным усилием прогнав плотские помыслы, он пробормотал:

– Не введи нас во искушение. – И отдернул руки так, словно обжегся.

Смущаясь, распрямился, вышел из патио и, не оглядываясь, двинулся вдоль стены дома, не ответив на вопрос Клаудии: «Вы придете в следующую субботу?» Он понимал: отныне от этого места следует держаться подальше. Ему показалось, будто за спиной раздались шаги. Неужели она его догоняла, по-прежнему с обнаженной грудью? Быстро, как только мог, отец Фаустини вывел мопед на дорогу и укатил прочь.

– Прелюбодей, – ругал он себя, перекрывая тархтение мотора. – Слабовольный дегенерат, извращенец, мерзкий сексуальный маньяк. Жалкий грешник.

Свет фары метался по дороге, но священник едва соображал, куда едет. Все мысли были о собственном распутстве. Служитель Божий вел себя как скотина. Только намного хуже, поскольку был наделен разумом, способным подавлять первобытные инстинкты.

– Какая расплата ждет меня за это в Судный день? – спра-

шивал он себя. – Господи, помилуй меня, грешника!

Трудно сказать, в какой момент поездки отец Фаустини осознал, что перед ним возникло нечто. Ясно одно: он уже одолел какое-то расстояние, прежде чем обрел способность воспринимать что-либо еще, кроме угрызений совести. Вне всяких сомнений, возникшее было зрелищно: отец Фаустини смотрел вперед и видел огненный столб.

Ночное небо осветилось над Ломбардийской равниной, рассыпаясь сотнями светящихся огненных точек. Их извергала возвышающаяся над землей пламенная колонна метрах в трехстах впереди. Огонь был неестественным, поскольку имел цвет скорее зеленый, чем оранжевый – изумрудно-зеленый с вырывающимися наружу проблесками фиолетового, синего и желтого. Отец Фаустини не сомневался, что наступил Судный день. Иначе мог бы заподозрить: что-то добавили в «Бароло», которое он пил, поскольку невероятное сочетание цветов свидетельствовало о галлюцинации. Ему и раньше приходилось видеть большие пожары и грандиозные фейерверки, но ничего похожего.

Как еще мог поступить великий грешник в час расплаты, если не затормозить, упасть на колени и молить о прощении? Одновременно святой отец ощутил приступ паники и сожаление, что это случилось именно в тот вечер, когда он согрешил после целой жизни безупречного служения Церкви. Отец Фаустини упал на колени на грязной обочине, сцепил руки перед искаженным мукой лицом и воскликнул:

– Помилуй меня, Отче, я согрешил!

Он не мог допустить, что его моральное падение с Кладушей Коппи приблизило конец света. Решить, что тому виной несколько мгновений поглаживания женских грудей было бы самонадеянным, но он чувствовал грозный смысл причинно-следственной связи.

Отец Фаустини еще раз оглянулся и крепче сцепил руки. Пугающее состояние неба не менялось: всполохи огня чертили небосвод, как ракеты, оставляя хвосты из россыпи искр. Но пока не было видно ангелов мщения и других примет апокалипсиса. Он не слышал трубного гласа, но его уже ничто не удивляло.

Вместо этого появились две яркие точки света – настолько ослепительные, что заболели глаза. Гудение становилось все громче. Его источник оказался земным: в сторону священника со стороны огненного столба по дороге неслась машина с включенным дальним светом фар. Отец Фаустини знал, что люди в страхе бегут от гнева Господнего, но не сомневался, что они заблуждаются – спасения нет.

Так и оказалось.

Гул мотора нарастал, фары светили все ярче. В обычном состоянии отец Фаустини махнул бы водителю рукой, давая понять, что он ослеплен. Но теперь он был не на мопеде, а стоял на коленях на обочине. Слез с него, как только увидел огненный столб. А мопед остался там, где он его бросил, – стоял посреди узкого шоссе.

Машина неслась к нему. Отец Фаустини стиснул голову руками. Не было времени оттащить мопед с пути автомобиля. Оставалось надеяться, что водитель вовремя заметит препятствие и вильнет в сторону. За несколько мгновений до конца света вопрос, случится авария или нет – пусть даже со смертельным исходом, – представлял чисто теоретический интерес. Но отец Фаустини сознательно относился к безопасности и не перенес бы мысли, что по его вине погибли люди.

По правде говоря, водитель разделил бы с ним вину, поскольку ехал явно с превышением скорости.

Дальнейшее было скоротечным и разрушительным, хотя отец Фаустини воспринимал происходящее странным замедленным образом – так мозг приспособливается к быстро развивающейся опасности. Машина, не снижая скорости, летела на мопед, и только в последнее мгновение водитель заметил препятствие. Сработали тормоза, и скрип покрышек по асфальту напомнил рев сирены. Чтобы избежать столкновения, машина вильнула влево, и маневр удался. Но колесо задело отбойный камень, автомобиль потерял управление и отлетел к противоположной стороне. Отец Фаустини отметил, что это был большой, мощный седан. В глаза ударил белый свет фар и сразу сменился на красный – стоп-сигналы продолжали сзади гореть. Машина выскочила на полосу дерна, которая отделяла дорогу от поля, и задние фонари описали дугу. Несколько раз перевернулась – тонны металла подпры-

гивали, словно игрушка, – пробила ограждение и скользнула на крыше на пахоту.

Один из задних фонарей все еще горел. Затем погас, выбросив сноп искр. От того, что только что было автомобилем, поднимался дым.

Ноги священника держали его не крепче только что сваренных макарон, но он поковылял к машине проверить, не сможет ли кого-нибудь вытащить, пока весь кузов не охватило пламя.

Вес шасси расплющил кабину. Священник встал на колени перед сдавленной щелью, которая раньше была водительским окном. Внутри маячила фигура с неестественно свернутой на сторону головой. Слишком поздно для обряда соборования. Рядом сидел пассажир – тоже мужчина – теперь наполовину вывалившийся из кабины. В буквальном смысле наполовину, поскольку нижняя часть туловища оставалась зажатой внутри, тело было разорвано пополам.

Священник перекрестился. Подкатила дурнота, но он понимал, что надо держать себя в руках. В воздухе несло бензином, и машина каждую секунду грозила превратиться в огненный шар. Отец Фаустини, стараясь разглядеть, нет ли в салоне живых, лег на живот. Его усилия оказались излишними: между разорванной обивкой сидений и смятой крышей не осталось ни сантиметра пространства. Когда он пытался подняться, справа раздался звук, подобный дыханию Господа. Это загорелся бензин.

Отец Фаустини рывком вскочил и бросился прочь. За спиной раздалось несколько хлопков, затем громopodobный удар – вероятно, взорвался бензобак. К этому времени он лежал в двадцати метрах ничком на земле. Некоторое время оставался неподвижным. Нервы на пределе. Говоря по правде, он даже всхлипывал. И не сразу вспомнил, что следует прочесть молитву. Для него авария превратилась в предвесье Судного дня.

Наконец отец Фаустини сел. Обломки машины еще горели, но не так сильно, как раньше. Пополз жирный, черный дым. Ноздри и горло забил едкий запах жженой резины. Он смотрел на пожар. На обгоревший, искореженный металл, почти ничем не напоминавший автомобиль.

Каждый его мускул дрожал. Он с трудом поднялся и, обойдя пожарище, направился к своему мопеду. Тот так и стоял невредимый посреди дороги свидетельством его глупости и вины в трагической аварии.

Ночное небо все так же расщеплял огромный огненный столб, который так приковал его внимание. Цвета своим блеском и разнообразием оставались неземными. Но отец Фаустини засомневался, было ли это предвестием Судного дня. Он не мог объяснить явление. Однако какая-то причина быть должна, но у него не осталось сил, чтобы ее искать.

Отец Фаустини оседлал мопед, завел мотор и поехал сообщать о случившемся.

Глава четвертая

Субботнее вечернее представление в помещении нью-йоркской «Метрополитен-опера». Доминго и Френи поют перед полным, восхищенным залом. Подходит к кульминации сцена погребения заживо. Соединенные вышибающей слезу арией Джузеппе Верди «Прощай, земля» возлюбленные Аида и Радамес обнимаются в склепе, где их запечатает опускающаяся мучительно медленно каменная плита. Жрецы и жрицы ведут свой беспрестанный хор, а безутешная дочь фараона Амнерис молится за вечную душу Радамеса. В любой опере бывают моменты, когда никто не возражает, если соседи крутятся в кресле, пытаясь добиться лучшего обзора, или ерзают, давая отдых затекшим ногам. Но «Аида» завершается берущим за душу финалом, когда рабыня умирает на руках у Радамеса, и свет на сцене постепенно меркнет, символизируя наступление темноты в склепе. В этот момент зал от оркестровой ямы до шестого яруса охватывает почти осязаемая тишина.

По крайней мере, так должно быть.

Но в этот вечер в центре партера, где самые дорогие места, в самый душещипательный миг, перекрывая пение на сцене, раздался электронный сигнал. Он был намного громче, чем у будильников наручных часов, которые выключают перед входом в зрительный зал кинотеатров или театров. Какой-то

вредитель пронес в оперу пейджер. Наиболее захваченные представлением зрители, не желая портить вечер, не обратили внимания на источник звука. Но не все оказались такими терпеливыми.

– Господи, да что же это такое? – воскликнул мужчина, хотя его голос только добавлял шума. Послышались советы:
– Да заткните вы его.

В третьем ряду, откуда раздался сигнал, седовласый мужчина в очках в черной оправе откинул полу смокинга, снял с пояса пейджер и нажал кнопку, выключающую пищалку. Инцидент продолжался не более шести секунд, однако он случился в самый неудачный момент.

Опустили занавес, певцов награждали аплодисментами, но в центральном партере на мужчину в третьем ряду смотрело не меньше людей, чем на Доминго на сцене. Нарушителю спокойствия доставались кинжальные взгляды презрения. Он громко хлопал и не сводил глаз с актеров, пытаясь игнорировать соседей. Но не мог ждать пощады. Ньюйоркцы отнюдь не славятся своей сдержанностью.

– Вот его бы я похоронил заживо!
– Почему пропускают таких идиотов?
– Я купил билет в чертову оперу, а не на деловую конференцию.

Идиот, о котором шла речь, продолжал энергично хлопать все шесть или семь выходов, пока в зале не начал меркнуть свет. Затем повернулся к своей спутнице – потрясаю-

щей внешности темноволосой женщине лет на двадцать моложе него – и попытался так увлечь ее разговором, словно ему и дела нет до всего остального Нью-Йорка.

Дама, к удовольствию покидающих зал зрителей, его не поддержала – она не желала покрывать промахи приятеля. Вскоре ее голос зазвучал громче, и обрывки фраз, когда она устроила своему спутнику головомойку, грозили сотрясти люстру.

– ...никогда не испытывала такого унижения! И после этого ты думаешь, что я потащусь с тобой ужинать, а потом трахаться? Забудь!

Кто-то ее подбадривал:

– Молодец девчонка! Бортани его!

Именно так она и поступила – двинулась между рядов кресел, оставив кавалера смотреть ей вслед и качать головой. Он не стал догонять ее. Остался сидеть, благоразумно давая возможность тем, кому испортил настроение, покинуть зал. А когда никого из соседей не осталось, снова достал пейджер и набрал комбинацию цифр. Получив ответ на дисплее, запустил руку во внутренний карман, достал мобильный телефон и, не обращая внимания ни на кого, вытянул на всю длину антенну.

– Сэмми, дружок, когда ты пытаешься со мной связаться, выбирай время. – Слушая ответ, он удобнее устроился в кресле и положил ноги на спинку переднего ряда. – Черт возьми, я ради тебя же надеюсь, что эта новость потянет на

девять и девять десятых по шкале Рихтера.

То, что ему сказали, видимо, взволновало Манфреда Флекснера. Он убрал ноги со спинки кресла и подался вперед, взъерошив волосы. Через шесть минут, качая головой и стараясь сохранять спокойствие, покинул здание и, оказавшись на площади, вдохнул свежий воздух. В этот вечерний час эспланада была запружена «соболями» и «норками»: балетоманы и публика из филармонии соревновались с любителями оперы, пытаясь первыми схватить такси. Флекснера на противоположной стороне улицы ждал лимузин с водителем, поэтому он был избавлен от необходимости с боем бросаться за каждой машиной. Но и домой пока не собирался.

Некоторое время Флекснер смотрел на подсвеченный прожекторами фонтан. За последние полчаса он успел прервать своим пейджером представление, лишиться спутницы и скатиться на сорок пунктов на международной фондовой бирже. Теперь ему требовалось выпить.

На следующее утро мир не стал счастливее. Он наблюдал, как растворяется с шипением в стакане на столе алкапельцер и размышлял, почему все так происходит. Лекарственные препараты были сферой его бизнеса.

Бизнеса Манфреда Флекснера.

А вот теперь он пользовался препаратом конкурирующей фирмы. Всю жизнь Мэнни работал в ожидании дня, когда какой-нибудь лидер на рынке вроде алкапельцера подставит

ему плечо и обеспечит надежный сбыт продукции на обозримое будущее. Его история была типичной для парня из Нижнего Ист-Сайда, у которого варит голова. Он помаленьку зарабатывал таксистом, жил экономно и инвестировал сбережения. Рано, как все предприниматели, осознав, что личными силами и средствами всего не решить, взял в банке кредит и купил долю в предприятии по наклеиванию этикеток на упаковки с лекарствами. Мэнни успел захватить почти весь рынок, когда появились самоклейки, и накопил достаточно денег, чтобы заняться самими лекарствами. Шестидесятые и семидесятые годы были прибыльными для фармакологической индустрии. Флекснер приобрел несколько компаний в США и вышел на международный уровень, дальновидно покупая в Европе и Южной Америке. Один из его продуктов – капрофикс, средство от ангины, стал надежным источником дохода и стабильно продавался.

Затем наступил спад. Фармакологическая индустрия в большой степени зависит от разработки новых лекарств. Компании не способны выжить, если торговая сторона дела не подкреплена серьезными исследовательскими программами. В начале восьмидесятых годов работающие на «Ман-флекс» ученые открыли новый антигистаминный препарат с перспективой применения против язвы желудка и двенадцатиперстной кишки. Его запатентовали и присвоили товарный знак фидоксин. Рынок противоязвенных лекарств огромен. В то время на нем властвовал тагамет компании

«Глаксомитклайн», оценки продаж которого перевалили за миллиард долларов. Был на подходе также зантак, он впоследствии стал самым продаваемым лекарством. Но и Мэнни Флекснер не дремал.

Первые опыты с фидоксином обнадеживали. Мэнни вложил много денег в разработку препарата и испытания в практических условиях, чтобы удовлетворить требования Федерального совета, рекомендовавшего Управлению по контролю за продуктами и лекарствами не выпускать в продажу без утверждения ни один препарат. К 1981 году компания «Манфлекс» готовилась обойти на миллиардном рынке своих конкурентов, но вдруг у принимающих фидоксин больных обнаружили отдаленные последствия. Любое лекарство обладает побочным эффектом, но серьезное нарушение работы почек недопустимо. Мэнни нехотя смирился с потерями и оставил проект.

Слишком многое было поставлено на этот препарат, и в восьмидесятые годы он не стал ввязываться в новые исследовательские разработки. Спад девяносто первого года ударил по «Манфлексу» сильнее, чем по конкурентам. Лишь благодаря старому, испытанному капрофиксу компания удержалась в первой десятке в США, однако скатилась с четвертого на седьмое место. Если не ниже – Мэнни больше не хотел проверять.

Сегодня все и того хуже. Он держал в руке «Уорлд-стрит джорнал». Его акции рухнули в Токио и в Лондоне. А в чем

причина?

– Грандиознейший фейерверк в истории, вот как они это называют, – сказал он своему вице-председателю Майклу Липману, бросая ему газету. – Представление на двадцать миллиардов лир. Можно было наблюдать за тридцать километров к югу от Милана. Это сколько по-нашему, Майкл?

– Около двадцати миль.

– Нет, в долларах?

– Не так страшно, как звучит. Приблизительно семнадцать миллионов баксов.

– Не так страшно, как звучит, – повторил Мэнни. – Целый завод превратился в дым, четверть наших итальянских владений!

– Страховка, – пробормотал Майкл Липман.

– Страховка покрывает здание завода и материалы. Но в том же здании находились исследовательские лаборатории. Велись испытания препарата от депрессии. Подчеркиваю: депрессии. Надеюсь, хоть что-нибудь из материалов сохранилось. Мне это очень нужно. Исследование невосполнимо, и рынок на это отреагировал. Есть новости из Италии? Неужели все превратилось в прах?

Липман кивнул:

– Час назад я разговаривал с Рико Виллой. Картина такая – гора белого пепла. – Он подошел к бару и взял бутылку виски. – Налить?

Мэнни покачал головой и показал алказельцер.

– Не возражаете, если я себе плесну?

Тридцати семи лет, ростом шесть футов и два дюйма, светловолосый, Майкл Липман был не таким вспыльчивым, как босс. Он был шведом, и, видимо, его шведская половина блокировала приступы ярости. Пришел в «Манфлекс» пять лет назад без всяких усилий со своей стороны – просто Флекснер в то время купил маленькую компанию в Детройте, которой тот управлял. Из всей компании Липман оказался единственным полезным приобретением – думающий, креативный, с хорошими организаторскими способностями. С крутым шефом у него сложились хорошие отношения, и через год его пригласили в правление.

– Никто пока не умер? – По тону Мэнни было понятно, что он ожидает самого худшего.

– Нет. Семеро госпитализировано, двое из них пожарные. Надышались дымом.

– Окружающая среда сильно пострадала?

Липман удивленно поднял брови. Он не замечал, чтобы босс симпатизировал «зеленым».

– Это может доставить нам серьезные неприятности, – объяснил Мэнни. – Помнишь Севезо? Пары диоксида? Это же было в Италии? На сколько миллионов пришлось раскошелиться владельцам, чтобы выплатить компенсацию?

Липман плеснул себе изрядную порцию виски.

– Пока никаких сообщений о ядовитых парах.

Лицо Мэнни слегка разгладилось. Он снял очки и протер

их салфеткой с логотипом компании.

– Переживем, – уверенно заявил Липман. Способность утешать числилась среди его достоинств. – Нас потреплет. Рынок на неделю-другую опустит. Но мы достаточно крепки, чтобы справиться. Миланский завод – не самый главный источник дохода. Рико постоянно нам напоминал, что он нуждается в модернизации.

– Знаю, знаю. Мы собирались к концу года вложить в него средства.

– Но теперь приоритетными становятся два других завода неподалеку от Рима.

Мэнни снял очки и внимательно посмотрел на Липмана.

– Ты полагаешь, нам не следует восстанавливать предприятие в Милане?

– В нынешней экономической обстановке?

– Ты прав. Нужно сосредоточиться на том, что там осталось. А участок в Милане продать. – Взвесив возможности, Мэнни успокоился. – Необходимо, чтобы кто-нибудь отправился в Италию. Все урегулировал, разобрался с людьми, спас, что еще можно спасти. Кого предлагаешь? Может, Дэвида?

– Дэвида? – Липман был уверен, что босс поручит данное дело ему.

– Мой парень.

– Не вопрос.

Липман понимал, что отговаривать начальника не следу-

ет, хотя имел особое мнение о Дэвиде Флекснере-младшем. Ни при каком полете фантазии нельзя было заметить, чтобы сын разделял энтузиазм отца к миру бизнеса, хотя тот лелеял надежду, что отпрыск когда-нибудь войдет во вкус и станет приносить пользу. После четырех лет в бизнес-школе и трех лет в их компании Дэвид, казалось, должен быть готов к ответственному заданию. Однако в действительности вся его энергия направлялась на любительские киносъемки.

Ближе к полудню экраны в зале по соседству с кабинетом Мэнни Флекснера стали демонстрировать улучшение рейтинга компании. Следуя примеру Токио и Лондона, Уолл-стрит скорректировал первую реакцию на известие о пожаре в Италии. Группа компаний «Манфлекс» продемонстрировала резкое падение, но оно оказалось не катастрофическим.

Мэнни подтвердил твердость своих намерений, позвав сына на ланч во «Времена года». Он был дважды разведен и жил один. Хотя на самом деле в его доме в Верхнем Ист-Сайде менялись чередой женщины, которых он приглашал поужинать в лучшие рестораны, а потом они оставались у него на ночь. Уж он-то представлял, где можно хорошо поесть. А диета помогала Мэнни сохранять форму. Ему исполнилось шестьдесят три года.

А вот ланчи являлись исключительно деловыми мероприятиями.

– Рекомендую лососину под сладким горчичным соусом.

Или салат из утки с маринованной вишней. Нет, лучше лососину. Слышал о пожаре в Милане?

Его сын явно не открывал деловые страницы газет, если вообще их читал. Дэвид миновал стадию юношеского сопротивления родителям. Теперь это был бунтарь-переросток с крашеными светлыми волосами до плеч. По мнению Мэнни, белокурые волосы никак не шли к еврейскому лицу сына. Его темно-зеленый вельветовый пиджак был уступкой ресторанной традиции. На заседания правления Дэвид часто являлся в футболке.

Мэнни сообщил ему печальные факты и поведал о своих планах, как следует уладить итальянскую проблему.

– Ты хочешь, чтобы я туда поехал, папа? – насторожился Дэвид. – Это будет непросто. Когда?

– Не возражаешь, если прямо сегодня вечером?

Обаятельная улыбка сына выражала одновременно согласие и неприятие.

– Ты шутишь?

– Абсолютно серьезен. Две сотни людей остались без работы, надо разбираться с профсоюзом.

– Да, но...

– Оформить страховое требование и, если я правильно понимаю, разобраться с судебными исками. Такие проблемы, Дэвид, если ими не заниматься, сами не решаются.

– А на что Рико Вилла? Он на месте и говорит по-итальянски.

Мэнни поморщился и пожал плечами:

– Рико не способен справиться с юношеской командой по софтболу.

– Ты мне предлагаешь отправиться в Милан и все там раз-рулить?

– Только указать тамошним людям на факты, вот и все. То место, где они работали, превратилось в груды пепла. Вос-станавливать завод мы не станем. Если кто-нибудь захочет переехать в Рим, организуй. Поговори с бухгалтерами о раз-мерах выходного пособия. Выплатим все, на что способны. Мы не людоеды.

Дэвид вздохнул:

– Папа, я же не могу здесь все бросить.

Мэнни ожидал нечто подобное, однако изобразил удивле-ние:

– Сынок, ты о чем?

– У меня есть обязательства. Я давал обещания людям. Они от меня зависят.

Отец пристально посмотрел на него:

– Твои обязательства имеют хотя бы отдаленное отноше-ние к компании «Манфлекс»?

– Нет, – покраснев, признался Дэвид. – Это касается съе-мок фильма. У нас есть график.

– М-м-м...

– Определенное время в зоопарке в Бронксе.

– Снимаешь зверушек? Мне показалось, ты сказал, что у

тебя есть какие-то обязательства перед людьми?

– Я имел в виду свою группу.

Мэнни готов был взорваться, но за секунду до вспышки подошел официант, и отец с сыном, заключив перемирие, обсуждали, что заказать. Дэвид дипломатично выбрал лососину, которую рекомендовал отец. Нечего еще и на этом наживать неприятности. Когда официант удалился, Мэнни решил зайти с другой стороны:

– Некоторые из самых лучших фильмов, какие мне пришлось посмотреть, снимались в Италии.

– Разумеется. Итальянский кинематограф всегда был на уровне. «Похитители велосипедов», «Смерть в Венеции», «Сад Финци-Контини».

– «За пригоршню долларов».

– Это из спагетти-вестернов.

Мэнни кивнул и великодушно продолжил:

– Покрутись среди этих ребят. Задержись на пару недель. Разберись в Милане, и ты свободен как ветер. Прокатись в Венецию. Разве не разумное предложение?

Подобная щедрость со стороны трудоголика заслуживала мгновения откровенности, и Дэвид наконец признался:

– Я понимаю, папа, ты хочешь, чтобы я пошел по твоей стезе. Но скажу тебе вот что: фармацевтическая индустрия мне скучна до пороссячьего визга.

– Ты мне ничего подобного не говорил.

– Ты бы не принял.

– Все потому, что ты не желаешь даже попробовать себя в бизнесе. Знаешь, фармакология – самая требовательная отрасль индустрии. Ты либо впереди других игроков, либо мертвец. Дело в новых лекарствах и завоевании рынка.

– Это мне известно.

– Один прорыв, единственный препарат может изменить жизнь. Это и есть тот драйв, который мною движет.

– Изменить жизнь больного?

– Естественно. Что хорошо для больного, хорошо для моего баланса.

Он подмигнул, и сын невольно улыбнулся. Этика показалась ему сомнительной, зато подкупала объективность.

– Группы исследователей подобны лошадям. Хочется иметь их как можно больше. Время от времени кто-нибудь совершает открытие. Но не надо обольщаться: пусть ты получил новый препарат, но чтобы его продать, требуется одобрение правительства. – Глаза Мэнни блеснули при мысли о вызовах профессии. В последнее время улыбка появлялась на его лице редко – чаще пробегала тень, как у человека, который когда-то обошел своих конкурентов, но теперь потерял навык. – Патенты раздают не в два счета – необходимо представить нечто действительно новое. Мои исследователи работают по всему миру, и каждое мгновение может появиться лекарство против какой-нибудь смертельной болезни.

Дэвид кивнул:

– На миланском заводе тоже велись серьезные разработки.

– Ты знаешь больше, чем говоришь, – одобрительно заметил отец.

– Ты считаешь, я справлюсь с этим делом?

– Поэтому прошу тебя поехать в Милан. – Мэнни дал знак сомелье. Выбрал бордо и продолжил: – Катастрофа в Италии меня потрясла. Я всегда считал, что некто наверху меня поддерживает. Понимаешь, я о чем? Не следует ли мне подумать уйти на покой?

– Бред, папа. Кто, кроме тебя, способен руководить шоу? – Дэвид заметил испытующий взгляд отца и испугался. – О, нет. Совсем не моя сфера. Я много раз говорил тебе, что сомневаюсь, верю ли во все это. Если бы речь шла только об изготовлении лекарств для помощи больным – это одно. Но нам обоим известно, что это далеко не так. Пиар, задабривание банкиров и политиков, подсчет чистой прибыли.

– Назови мне хотя бы одну деловую сферу, где этого нет. Таков мир, в котором мы живем, Дэвид.

– Согласен. Но прибыль приносят не те лекарства, какие лечат болезнь. Возьмем, к примеру, артрит. Если найдется средство, способное излечить его, исчезнет рынок. Поэтому мы изобретаем лекарства, лишь облегчающие боль. Они немногим отличаются от аспирина, однако в пятьдесят раз дороже. Сколько миллионов тратится в данный момент на подобные суррогаты-аналоги от артрита?

Мэнни промолчал, но с удовольствием отметил, что сын знаком с профессиональным жаргоном. Суррогаты-аналоги

– слегка видоизмененные оригиналы, производимые, чтобы обойти законодательство. Только для лечения артрита их наберется более тридцати.

Дэвид начинал злиться:

– А сколько денег вкладывается в лекарства от серповидноклеточной анемии? Заболевание распространено в странах третьего мира, так что на нем много не заработаешь.

– В твоем возрасте я тоже был идеалистом, – произнес Мэнни.

– А сейчас прибавишь, что живешь в реальном мире. Но это не так, папа. Пока что-нибудь вроде СПИДа само не привлечет к себе внимания, ты не замечаешь реального мира. Я говорю не о тебе конкретно, а обо всей индустрии.

– Неправда. Индустрия достаточно быстро ответила на угрозу СПИДа. Компания «Уэллком» в кратчайшие сроки запатентовала ретровир.

– Да. И повысила стоимость своих акций до двухсот пятидесяти процентов.

Мэнни пожал плечами:

– Законы рынка. «Уэллком» первой предложила замечательный препарат.

Дэвид развел руками, давая понять, что в данном пункте он согласен с отцом.

Подошел официант и налил Мэнни немного вина на пробу. Тот кивнул и лукаво покосился на сына:

– Да, ты знаешь больше, чем кажется. Станешь председа-

телем и тогда, если захочешь, привнесешь в фармацевтическую индустрию элементы этики.

Дэвид улыбнулся. Отец до сих пор сохранил в себе нахрипистость нью-йоркского таксиста.

– Сейчас закажем тебе билет на миланский рейс. – Мэнни достал из кармана мобильный телефон.

Глава пятая

Кенсингтонская библиотека была построена в 1960 году, но в справочном зале наверху царила явно викторианская атмосфера. На полу приводящий в уныние оливковый ковер, стулья обиты темной кожей. Повсюду таблички – предостережения против воров-карманников и просьбы сообщать администрации, если читатели заметят портящих или уносящих газеты. Сказать по правде, газеты были нарасхват. На просьбу выдать поступающую в середине дня «Ивнинг стандарт» отвечали отказом. Но не потому, что в содержании было нечто недозволенное. Просто ее сразу уносили из открытого доступа. Библиотекари с двух часов подмечали мужчин с горящими глазами, которые жаждали первыми прочесть объявления о продаже подержанных машин, информацию о собачьих бегах или предложения о найме.

Питер Даймонд – бывший сотрудник службы безопасности универмага «Харродс» – стал одним из тех, кто ищет работу. Дождавшись очереди на «Стандард», водил пальцем по колонкам. И если бы наткнулся на предложение, которое ему бы подходило, то немедленно бросился бы к ближайшему телефону. Большинство объявлений было составлено в дружеском стиле: «Позвоните Мэнди» или «Наберите Триш». И читающий невольно представлял на другом конце линии добродушного кадровика, готового уговаривать кан-

дидата приступить к работе с зарплатой в тридцать тысяч с премиями и пенсией. Но сегодня в Лондоне не нашлось ни Мэнди, ни Триш, которым бы понадобился бывший детектив, недостойный даже охранять универмаг.

Даймонд оставил объявления. Под заголовком «Отчаяние потерявших работу лондонцев» «Стандард» рассказывала об очередном взлете безработицы. Но на Кенсингтон-Хай-стрит отчаяния не наблюдалось, если не считать поникших плеч самого Даймонда. На тротуарах стояли и взмахом руки подзывали такси молодые женщины с набитыми покупками полиэтиленовыми сумками из супермаркетов. Мужчины средних лет в дизайнерских спортивных костюмах трусили в сторону Холланд-парка. В итальянском ресторане «Галло-доро» на противоположной стороне улицы обедали.

Последние семь месяцев Даймонд с женой Стефани ютились в цоколе на Эдисон-роуд – улице с односторонним движением, где шум без двойного остекления и затычек в ушах невозможно переносить. Гнилые рамы трехэтажного оштукатуренного дома постоянно дрожали. Напротив возвышался массив церкви Святого Варнавы – закопченного здания с четырьмя башенками по углам, которое при самом буйном воображении не назовешь красивым, хотя внешняя чистка могла бы сделать его пригляднее. Кто-то, пытаясь отвлечь внимание от глубоко въевшейся грязи, выкрасил двери в броский темно-синий цвет. Но из дыры Даймондов их не было видно. Кроме церковных башенок, оттуда можно было

посмотреть на верхние этажи многоквартирного дома. Разительный контраст с видом на Джорджиан-Бат из их прежнего жилища, где они обитали год назад.

Чтобы не сидеть без дела, Даймонд покрасил стены и потолок своей квартирki в цвет, который на карте красок называется «лимонным». Вывернул все ящики и шкафы, смазал каждую петлю, почистил трубу, проверил электропроводку, сменил душевые насадки и краны, положил под двери уловители сквозняков. Но его достойный восхищения порыв принес больше вреда, чем пользы, – краску и смазочное масло Питер разнес на подошвах своих ботинок по всему дому, краны потекли хуже прежнего, двери перестали закрываться, сажа при каждом порыве ветра падала в гостиную, кот переехал жить в сушильный шкаф.

Стефани, если бы могла, составила бы компанию коту. Два дня в неделю она работала в магазине фонда «Спасите детей», а недавно, только чтобы уходить из дома, довела это количество до четырех. Желая остановить порыв домашнего мастера, Стефани стала приносить Питеру картинки-пазлы. Их отдавали в дар люди, и муж собирал пазлы, чтобы перед тем, как выставить на продажу, убедиться, что все детали на месте. Идея оказалась не настолько удачной, как показалась сначала. Однажды Стефани проснулась в четыре часа утра оттого, что что-то впилось ей в спину.

– Какого дьявола? – Она включила прикроватную лампу. Муж повернулся:

– Знаешь, это что? Угловой элемент, который я вчера потерял.

– Питер!

– Хочешь, заварю чай?

Стефани помнила, какой стал чай на вкус с тех пор, как муж снял накипь в чайнике.

– Нет. Давай спи.

– Ума не приложу, почему из всех возможных мест он объявился именно здесь.

– Забудь.

– Ты не спишь, Стеф? – спросил он через несколько секунд.

– Нет, – вздохнула жена.

– Я все думаю о том ребенке.

– О каком ребенке?

– О японской девочке, которую я проморгал. Почему ее там бросили? Хорошо одета. Ухожена. Не похоже, чтобы о ней не заботились.

– Наверное, убежала из дома.

– И оказалась на седьмом этаже в «Харродсе»? Не могу поверить.

– Сколько ни рассуждай, правды не узнаешь. – Стефани зевнула и добавила: – Ты за нее не в ответе.

– Справедливо.

Питер помолчал. Жена почти заснула, когда он снова заговорил:

– Должен же быть способ держать все фрагменты в одном месте.

– Что?

– Я о пазлах. Мог бы помогать в самом магазине...

Она села в постели.

– Даже не думай!

– Я только хотел сказать, что мог бы заниматься ими в магазине, и, если потеряется фрагмент, я буду знать, что он никуда не делся и где-то там.

– Попробуй переступи порог, и я тебя прикончу! Тебя вынесут вперед ногами, Питер Даймонд!

Смелое заявление, учитывая, что Стефани весила всего девяносто восемь фунтов, а муж двести пятьдесят два. Но она понимала, какой урон он может без всякого злого умысла нанести магазину, если его туда допустить. Когда выходила замуж, знала, что это не человек, а тридцать три несчастья. Косолапый и косорукий. Как правило, толстяки умеют изящно двигаться. Ее муж к таким не относился. На все натыкался, сшибал. На улице бордюрных камней не замечал, а собачьи испражнения словно манили его.

– Старею, ну и плевать, – заявил Питер утром за завтраком.

– Напрашиваешься на комплимент? – усмехнулась Стефани.

Питер пожал плечами.

– Так и быть, скажу. Ты не настолько старый.

– Старый для работы. Факт.

– Выкинь из головы!

– Обрати внимание, какие очереди за пособиями по безработице. Стоят люди моложе меня. Намного моложе. Дети после школы.

Стефани положила ему на тарелку бекон с прослойками жира.

– Могло быть и хуже.

– То есть что одним из безработных детей мог быть стать наш?

Она отвернулась, и Питер выругал себя за бестактность. Во время первого замужества за управляющим магазином у Стефани трижды случались выкидыши. И в браке с ним она тоже потеряла ребенка. Из-за осложнений пришлось удалить матку. В начале семидесятых годов хирургическое вмешательство считалось панацеей от всех бед. Стефани лишилась способности рожать, но не материнского инстинкта. Еще до брака с Питером взялась руководить группой младших девочек-скаутов и делала это лучше, чем мог бы пожелать сам основатель скаутского движения лорд Баден-Пауэлл. Старалась быть второй мамой девчонкам, на которых родители не обращали внимания. Они уже выросли, но Стефани до сих пор пишет им письма.

Питер накрыл ее руку своей ладонью:

– Извини за прошлую ночь, любимая.

Жена недоуменно посмотрела на него.

– В кровати.

Ее глаза округлились.

– Деталь от пазла.

– Ах это, я совсем забыла, – рассмеялась она. – Решила, что ты о чем-то ином.

После недели дождей и пасмурного неба день выдался погожим, и Даймонд решил не толкаться в очереди в библиотеке, а купить «Ивнинг стандарт» и почитать в Холланд-парке. Не найдя ничего для себя полезного в рубрике объявлений, он отложил газету и, купаясь в солнечных лучах, сидел на деревянной скамейке напротив пруда у оранжереи. Смотрел, как люди выгуливают собак и толкают коляски с детьми вдоль арочной стены Холланд-хаус. У всех, кроме него, был какой-нибудь предмет – причина прийти в этот парк: модель самолета, теннисная ракетка, фотоаппарат, палка с заостренным концом, чтобы подбирать бумажки с земли.

Даймонд поднялся. Черт возьми, хватит бездельничать. Вспомнил, что у него есть срочное занятие: вечером он заметил, что на только что выкрашенном кухонном потолке вздулись два пузыря. Стефани ничего не сказала, но Питер не сомневался, что она тоже увидела. Надо проверить, можно ли убрать их с помощью наждачной бумаги.

Приступая к делу, Питер решил проявить аккуратность и под участком потолка, который собирался зачистить, расстелил «Стандард». Встал на кухонный стул и изучил фронт работ. Каждый пузырь был размером с хорошую зефирину.

Он не сомневался, что их необходимо убрать. Питер ткнул в один из них пальцем. Краска подсохла. Он осторожно потянул – субстанция оказалась податливой и пружинистой, как пластик. Потянул сильнее. И вдруг целый пласт краски оторвался от потолка и плюхнулся ему на голову и плечи, словно фата новобрачной.

Даймонд выругался, слез со стула, отступил в сторону и оценил ущерб. Теперь одним зашкуриванием ограничиться не удастся. Пора снимать краску со всего потолка и перекрашивать по-новому. Но что еще хуже, до этого поверхность необходимо промыть. Даже дилетанту было бы очевидно, что жир и копоть после многолетнего приготовления пищи следовало отчистить, прежде чем наносить первый слой. В итоге краска к потолку не пристала. Стараясь добиться быстрого результата, Питер истратил целую банку. Через пару часов домой вернется Стефани и увидит, что кухня опять оккупирована.

Приступив к масштабному ремонту, Даймонд принялся снимать с потолка краску. Она отпадала большими пластами и, упав, рассыпалась в пыль на кухонных приборах, на столе и стульях. Закончив, он включил чайник, решив, что заслужил передышку перед промывкой поверхности.

Но ни промывка, ни покраска потолка не состоялись. Для него нашлось более важное дело.

Когда Стефани вернулась домой, в кухне был хаос. Отовсюду гирляндами свисали пласты высохшей краски, пото-

лок имел тот же омерзительный вид, как в день их переезда в эту квартиру, на полу разбросаны газеты и наждачная бумага, на столе наполовину пустой кувшин с холодным чаем. Муж отсутствовал. Домой он явился около семи часов и стал извиняться.

– Зато у меня выдался интересный день, Стеф.

– Вижу.

– Ободрав потолок, я решил передохнуть и заварил себе чаю. И пока пил, подобрал страницу «Стандард», которую положил, чтобы не запачкать пол.

– Ушам своим не верю.

– Хотел для развлечения что-нибудь почитать.

– И нашел по объявлению работу? О, Пит! – Стефани развела руки, собираясь обнять его.

– Работу? Нет.

Ее руки опустились.

– Тогда что?

– Я подобрал газету и увидел вот это. – Он подал ей обрывок страницы.

«ЗАГАДКА ДЕВОЧКИ ПОКА НЕ РАЗГАДАНА

Маленькая девочка, которая пять недель назад вызвала панику в «Харродсе», еще не опознана. Ей около семи лет, она японка, не может или не желает говорить. Общественная кампания, организованная с целью найти ее родителей, успеха не имела, несмотря на многочисленные опросы в японском сообществе. В настоящее время девочка находится в

отделе социального обеспечения Кенсингтона и Челси. «Мы в недоумении, – заявил представитель службы. – Почему до сих пор не объявился никто из ее родных?»»

– Бедная кроха! – Стефани была всегда готова забыть о собственных горестях и пожалеть ребенка. – Наверное, очень напугана. Сначала полицейские, затем социальные работники. Неудивительно, что она молчит.

– В таком случае ты не станешь возражать, если я постараюсь помочь?

Жена с подозрением посмотрела на него:

– А если стану, это что-нибудь изменит?

– Я выяснил, где ее содержат.

Стефани нахмурилась, а затем ее лицо разгладилось.

– И поэтому ты бросил все и убежал из дома? Чтобы увидеть бедняжку? Ты в душе добряк.

– Неужели? – удивился Питер. – Ты называешь бывшего копа добряком?

– Всегда находишь время для детей, – продолжила жена. – Помнишь, нанялся рождественским дедом в прошлом году?

– Тогда была работа, а потерявшаяся девочка – интересная задача. Шанс заняться тем, чему меня учили, а не стоять на стуле и не мыть потолок, что я тоже обязательно сделаю. Не забывай, у меня есть опыт и хорошее чутье.

– И золотое сердце.

Даймонд закатил глаза и уперся взглядом в грязный по-

ТОЛОК.

– Я заглянул в муниципалитет, но мне отказались предоставить информацию. Я их понимаю. На моем месте мог оказаться извращенец или кто-нибудь подобный. Они вполне были вправе указать мне на дверь. Я заглянул в полицию, сказал, что сам бывший коп, и мне назвали адрес. Нечто вроде распределительного центра для несовершеннолетних. Но когда я туда добрался, оказалось, что девочку уже увезли. Пришлось проявить себя подлинным Шерлоком Холмсом, чтобы выяснить, куда ее дели. Направили к какому-то детскому психиатру, но от него оказалось мало толку. Зато его секретарша сжалилась надо мной и продиктовала адрес специальной школы в Эрлс-Корт.

– Специальной? – повторила Стефани. – То есть для умственно неполноценных детей?

Муж кивнул.

– Она что, умственно отсталая?

– Никто этого не утверждал, но направили ее туда, – ответил Питер.

– Наверное, решили именно так. Что это за место?

– Интернат. Сегодня я туда не попал, но завтра обязательно проберусь. Ясно одно: от девочки не отступились. В школу приезжает учительница-японка и пытается разговорить ее. Но пока безуспешно.

Стефани нахмурилась:

– Если у них всех ничего не получилось, чем сумеешь по-

мочь ты? По-японски ты не говоришь.

– И не собираюсь. Не исключено, что другие слишком зациклились на проблеме с речью. Я же попытаюсь выпросить ее по-другому.

– Как, например?

Даймонд не стал раскрывать планы:

– Для начала мне надо завоевать доверие девочки. Времени для этого много. Впервые в жизни мне никто не дышит в затылок.

– Так... – Стефани подняла голову.

– Ничего не говори. Вечером я выскребу этот чертов потолок.

Глава шестая

Работая в полиции, Даймонд усвоил одну полезную истину: напустив на себя властный вид, можно пройти куда угодно, разве что кроме номера десять на Даунинг-стрит. Интернат представлял собой особняк в викторианском стиле, стоящий за выставочным комплексом «Эрлс-Корт». Деревянная отделка оконных проемов нуждалась в замене, там, где под натиском погоды отлетела штукатурка, виднелись кирпичи. Но у местных властей имелись другие, более неотложные заботы.

Даймонд позвонил в колокольчик, и к дверям вышла женщина в переднике. Приподняв мягкую фетровую шляпу по моде сороковых годов, которую он носил в знак преклонения перед великими детективами прошлого, Питер произнес:

– Доброе утро, мадам. Вы, очевидно, миссис...

– Строу.

– Миссис Строу, миссис Страу... – Он произнес это так, словно вслух размышлял, подходит ли она для совместного отдыха на Карибском море.

Она молчала.

– Так вы не глава этого заведения?

– Нет. – Женщина показала на свой передник. – Я экономка.

– Экономка? – Питер сделал напоминающий салют жест.

– Вам нужна мисс Масгрейв.

– Мисс Масгрейв? Да, да, конечно. – Даймонд шагнул вперед, заставив ее отступить в сторону.

– Вам назначено? – Если миссис Строу хотела, чтобы ее слова прозвучали как вопрос, это ей не удалось – помешала обезоруживающая улыбка гостя. Вопросительная интонация превратилась в утвердительную. Но тем не менее она добавила: – Мисс Масгрейв очень занята.

– Мне ли не знать! – воскликнул Даймонд.

– Вы знакомы с мисс Масгрейв?

Он пожал плечами, как это обыкновенно делают французы, – жест, который может означать все что угодно.

– Думаю, она меня примет. – Питер был уже в коридоре, и миссис Строу закрывала дверь. Из глубины дома доносились детские крики. – Она ведь не в классе?

– Подождите, я сообщу ей, что вы пришли.

В это время из-за двери показалось женское лицо, и Даймонд не упустил момента.

– А вот и вы, мисс Масгрейв.

Это был выстрел наугад. Дама окинула его взглядом наделенного властью человека.

– Питер Даймонд, – произнес он, устремившись к ней с протянутой рукой. Человека его комплекции задержать было непросто. – Миссис Строу сказала мне, как вы заняты. Может, уделите мне минуту? Я ничего не продаю.

Мисс Масгрейв было около тридцати лет. Высокая, ху-

дошавая, со светлыми волосами, забранными на затылке в «хвостик» и перевязанными черной лентой. Она не сразу ответила на рукопожатие.

– Какова цель вашего визита?

Даймонд расплылся в улыбке:

– Ребенок, японская девочка. Вероятно, я сумею помочь.

– Проходите.

Кабинет мисс Масгрейв явно совмещал функции классной комнаты. В нем стояли три детских стола и стула. А ее стол был завален сделанными из упаковок для яиц раскрашенными масками. На шкафу целое стадо тряпичных зверушек. К стенам припилены детские рисунки – от талантливых до совершенно беспомощных. Даймонду обстановка понравилась. За отсутствием второго стула обычных размеров для взрослых он устроился на сундуке с плоской крышкой, решив, что тот выдержит его вес.

Хозяйка кабинета поинтересовалась, не выпьет ли он кофе. На ее столе стояла полная чашка.

– Нет, спасибо. Не хочу вас обременять. – На этом этапе разговора Питер решил, что ему лучше сдать на милость хозяйки. – Я раньше служил в полиции – суперинтендантом. Но это в прошлом. Должен сразу признаться, что пришел к вам по личной инициативе. – Он рассказал, что потерял работу в «Харродсе». – Я видел ее в тот вечер. И поражен, что за... столько времени ее родители так и не нашлись.

– Уверена, полиция предпринимает все, что требуется, –

промолвила мисс Масгрейв.

– Речь не об этом.

– Мы, со своей стороны, устроили ее как можно удобнее. Ей необходим специальный уход. Здесь мои владения, мистер Даймонд. – Ее голос звучал решительно, но сдержанно. Судя по всему, на нее не произвела должного впечатления тактика парового катка гостя.

– Представляю, насколько это непросто, если ребенок вообще не говорит, – не унимался Питер.

– В нашем заведении мы сталкиваемся с самыми разными проблемами.

– И это с вашими ограниченными ресурсами!

– Если вы намекаете, что Наоми в ее затруднительном положении получает не все, что нужно, то глубоко заблуждаетесь. Ее изучают самым тщательным образом.

– Наоми? Вы выяснили, как ее зовут?

Миссис Масгрейв покачала головой:

– Надо же ее как-то называть. Сотрудник японского посольства предложил это имя, поскольку оно общее для их и нашего народа.

– Наоми – японское имя? Я думал, оно из Ветхого Завета.

Его детские годы в церковном хоре не прошли даром. Выражение лица мисс Масгрейв стало мягче. Знакомый с Библией человек не может быть законченным прохвостом.

– Зачем конкретно вы ко мне явились, мистер Даймонд?

– Помочь ребенку найти родителей.

– Каким же способом вы рассчитываете добиться успеха, если все остальные потерпели неудачу?

– Поработать Шерлоком Холмсом. Не забывайте, я никому не подчиняюсь.

– Все это прекрасно, но как отреагирует полиция?

– Полиция в тупике, как говорил Шерлок Холмс доктору Ватсону.

Мисс Масгрейв коснулась пальцами губ. Даймонд решил, что она хотела скрыть улыбку. Он показал на стоявшую на ее столе чашку:

– Ваш кофе остывает.

Мисс Масгрейв опустила руку. Она действительно улыбалась.

– Это бульон. Вот яркий пример ваших детективных способностей.

Даймонд изобразил пальцами пистолет и приставил к виску. Мисс Масгрейв посерьезнела.

– Наоми не отвечает на вопросы, поэтому я не понимаю, чем вы можете быть полезны.

– Оценю ситуацию.

– И сделаете логические выводы? – Ее глаза насмешливо блеснули.

– Вы не можете отрицать, что ребенку требуется помощь. Это был для мисс Масгрейв веский аргумент. Она сделала глоток бульона.

– Если вы серьезно, приходите в два часа. Я буду в этом

классе проводить занятие с аутистами. Понаблюдайте. Тогда, вероятно, оцените все трудности.

Для Даймонда рядом с дверью поставили нормальных размеров стул. Мужчине его комплекции трудно оставаться незамеченным в таком маленьком помещении, но мисс Масгрейв не возражала, а дети даже не косились в его сторону. Детей привели миссис Строу и другая женщина, которая, как показалось Питеру, с облегчением сдала их с рук на руки.

Один из них, мальчик, визжал скорее от злости, чем от боли. Оказавшись в классе, он вырвался из рук миссис Строу, сбросил с нижней полки шкафа все книги, забился на их место и продолжал реветь.

– Это Клайв, – объяснила Даймонду мисс Масгрейв, перекрывая орущего ученика. Она не сделала ни малейшей попытки успокоить Клайва и водрузить книги на место. – А это Раджиндер.

Раджиндер двигался подпрыгивающими, дергаными шагами, руки вывернуты и скрючены в запястьях. Он подошел к одному из детских стульев, сел и стал раскачиваться, словно в такт крикам Клайва.

– Поживее, вы двое! – поторопила вторая воспитательница оставшихся учениц группы, которые не хотели входить в класс. – Табита, Наоми, мы не можем ждать вас целый день. – Она обхватила затылок девочки и впихнула в кабинет.

Судя по всему, это была Табита. Лет семи, с красивыми белокурыми волосами, она выглядела напуганной. В толстых

пластмассовых очках, закрепленных, как у теннисистки, на затылке резинкой. Стоило ей переступить порог, как мисс Масгрейв заметила:

– Ей нужно переодеться.

Табиту вывели в коридор и ввели Наоми.

В «Харродсе» Даймонд видел девочку лишь мельком, но запомнил, какой она была безучастной в окружении охранников. И сегодня у нее был вид человека, полностью ушедшего в себя и никого не замечающего вокруг. Но на каком-то уровне ее мозг функционировал нормально – Наоми двигалась без проблем, направилась прямоиком к стулу и села, не обращая внимания на рев Клайва, раскачивания Раджиндера и присутствие взрослых. Она была в красном вельветовом платье, черных колготках, кроссовках и с белой лентой в волосах.

– Наоми останется в таком состоянии, пока я не займусь ею, – объяснила мисс Масгрейв. – Я могу наладить своего рода контакт с другими, которые кажутся внешне более дефективными. Но она непробиваема. И дело не в языковом барьере. Это, похоже, какая-то форма аутизма.

Даймонд видел телепередачи о детях с аутизмом, физически абсолютно нормальных, но мучительно замкнутых в своем внутреннем мире. Они вели себя по-разному: взрывались от гнева, гримасничали, не умели устанавливать контакт с другими людьми, демонстрировали неадекватную эмоциональную реакцию, а в редких случаях обладали феноменаль-

ной памятью: могли, услышав один раз, сыграть музыкальный фрагмент или сделать подробный рисунок зданий или мест, которые видели мельком. Даймонд запомнил, что по поводу того, как следует лечить аутизм, существуют противоречивые точки зрения. Он видел волнующие кадры, как матери крепко обнимают брыкающихся детей, пока те не успокаиваются, на что могут уйти часы. Но порой результаты обнадеживали.

Мисс Масгрейв закрыла дверь и протянула Клайву карандаш и тетрадь. К удивлению Даймонда, мальчик взял их и, не разгибаясь, там же под книжными полками начал писать или рисовать. Раджиндера тоже удалось убедить взять писчие принадлежности, хотя долго пришлось объяснять, что от него требуется.

– Теперь смотрите, как обстоят дела с Наоми.

Мисс Масгрейв дала ей карандаш, но девочка смотрела вперед и не двигалась. Мисс Масгрейв осторожно обвила маленькими детскими пальцами карандаш.

– Не мое дело вмешиваться, но разве японцы так держат карандаши? – Даймонд достал из кармана ручку. – Я думал, они держат их прямо, вот так.

Мисс Масгрейв окинула его холодными взглядом, но затем признала ценность информации. Девочка позволила поменять положение пальцев. Перед ней положили лист бумаги. Мисс Масгрейв встала за спиной Наоми и, водя ее рукой по бумаге, провела черту.

– А теперь Наоми, докажи, что я не права, и нарисуй нам картинку. – Но девочка не смотрела на лист, и как только мисс Масгрейв отступила, ее рука замерла.

– Я работала с немыми, их удавалось заинтересовать рисованием.

– Она немая?

– Молчит. Но голоса не лишена. Издает какие-то звуки, если чему-нибудь удивляется.

– Уже кое-что.

– Многие аутисты не могут научиться говорить.

Раджиндер, видимо, принял это на свой счет и принялся тараторить одно-единственное слово «мисс», пока учительница не посмотрела его каракули, не похвалила и не снабдила новой бумагой. Со стороны книжного шкафа донесся новый звук. Клайву надоели упражнения с карандашом, он вытащил из кармана игрушечную машинку, вертел пальцами колеса и наблюдал, как они крутятся.

– Если его не трогать, то он будет заниматься этим до конца урока. Навязчивая идея. Полностью соответствует стереотипу детского аутизма.

– Что это значит? – спросил Даймонд.

– Сторонится людей, не идет на контакт, не глядит в глаза, отвергает ласку. Устраивает подобные истерики, если ему кажется, будто его личное пространство под угрозой.

– И Наоми такая же?

– Полностью замкнутый в себе тип. Немота – характерный

признак.

– Вы пробовали приласкать ее?

– Она индифферентна к ласке. Равнодушна. Еще одно отклонение от нормы у таких детей.

– А Раджиндер и Табита тоже страдают аутизмом?

– Да.

– Клайв говорит.

Мисс Масгрейв кивнула:

– Но повторяет все, как попугай.

– Заметен у него какой-нибудь прогресс?

– Небольшой. Послушайте, если вы хотите попробовать достучаться до Наоми, пожалуйста, действуйте, вам и карты в руки.

Предложение казалось заманчивым, однако Даймонд понимал, что принимать его не следует. При первой встрече любой ребенок может испугаться мужчины его комплекции, если к нему приблизиться.

– На этом этапе, – признался он, – я лучше постараюсь достучаться до вас. Таков мой план игры на сегодняшний день.

Мисс Масгрейв напряглась:

– Что вы хотите сказать?

– Убедить вас, что не собираюсь докучать. Но мне надо приходить сюда снова и снова. Я могу просто сидеть и наблюдать или чем-нибудь помогать. Но мне нужно находиться здесь. Я не обольщаюсь, что способен сотворить с Наоми

чудо. Понимаю: если мне удастся получить от нее какие-нибудь «ключи», то прогресс будет медленным. Как вы смотрите на то, что я буду постоянно рядом?

Она ответила не сразу. Подошла к Клайву, который при ее приближении снова завопил. И попыталась отобрать у него автомобильчик. Во время борьбы он укусил ее за руку, и она вскрикнула от боли.

– Если этого не сделать, то весь урок пойдет насмарку. Отдай! – Когда игрушка оказалась у нее, вопли мальчика стали еще пронзительнее. – Сейчас получишь обратно. А пока нарисуй мне машину. – Клайв постепенно сдался и взял карандаш.

Поглаживая руку, мисс Масгрейв вернулась к Даймонду.

– Прежде чем я отвечу на ваше предложение, может, что-нибудь расскажете о себе?

– Все, что хотите узнать.

– Почему вы ушли из полиции?

– Подал в отставку. Возникли разногласия с заместителем начальника.

– По какому поводу?

– Из-за мальчишки двенадцати лет. Меня обвинили в том, будто я ударил его головой о стену.

Мисс Масгрейв помолчала.

– По крайней мере, вы откровенны.

– Ясно. – Даймонд взял шляпу и поднялся. – Я не тот человек, который может рассчитывать на ваше гостеприимство.

Забудьте.

– Сядьте, мистер Даймонд, – произнесла она. – Это правда?

– Что?

– Вы действительно ударили мальчика?

– Нет. Но это теперь общепризнано. Мол, он бросился на меня, я его оттолкнул, и он ударился головой о стену. Мне не поверили, и я заявил, что зря потратил жизнь на службу в полиции.

– У вас есть дети?

Даймонд покачал головой.

– Вы женаты?

– Да.

– Но вы их любите?

– Детей? – Он кивнул.

Мисс Масгрейв протянула руку:

– Меня зовут Джулия.

Глава седьмая

– Как это случилось?

Дэвид Флекснер смотрел на две почерневшие колонны, возвышавшиеся футов на десять над грудой того, что еще недавно было миланским заводом компании «Манфлекс». Огромный жар совершенно расплавил колонны, образовав на засыпанной пеплом равнине картину в духе Сальвадора Дали. Ее подчеркивал контраст с безоблачным небом. Какой антураж для киносъемок, невольно подумал Дэвид.

Его привез сюда директор завода Рико Вилла, чей костюм от Эрменеджильдо Дзеньи и туфли от Данзини мало подходили для того, чтобы топтать по золе. Он всегда одевался как важный управленец. Но Дэвид, пренебрегающий условностями, в белых джинсах, черной футболке и потрепанных красных кроссовках, считал его родственной душой, одним из немногих отцовских служащих, с кем можно выпить.

– Полагаю, неполадки в электросети, – ответил Рико. – Разве не они, как правило, служат причиной пожара?

– Или непотушенная сигарета.

– Я запрещаю курить на заводе.

Употребление им настоящего времени на этих жалких руинах позабавило Дэвида, и он отвернулся, чтобы Рико не заметил.

– Курильщики всегда найдут себе местечко.

– Это правда. Но когда начался пожар, субботняя смена уже закончила работу. Кроме двух охранников, на заводе никого не было.

– Пламени могло потребоваться время, чтобы разгореться, – заметил Дэвид и тактично добавил: – Полагаю, пожарная служба готовит отчет?

– Пожарная служба и дознаватели страховой компании. Ребята из «Прима Рома ассюранс» приехали на следующий день и копались, пытаясь что-нибудь найти.

– Выдвинули какие-нибудь версии?

– Ничего внятного.

– Как насчет поджога? Кто-нибудь обозлившийся на компанию?

– Поджога?

– Кого-нибудь увольняли в последние полгода?

Рико был потрясен. Он прижал ладонь к губам, словно не желая принять подобную возможность:

– Пять или шесть человек за прогулы и мелкие кражи. Личные дела превратились в дым вместе со всем остальным. У нас больше нет их адресов.

– То есть компьютер не был связан с нашим офисом в Риме?

– Какие-то файлы передавались, но не кадровые дела. Это противоречило бы закону о защите информации.

– Придется полагаться на память, Рико. У вас с ней все в порядке?

Итальянец покачал головой.

– Тогда будем работать с кадровиками. Пусть составят список всех, кого вспомнят, из уволенных и имевших основания злиться на компанию.

– Организую.

Дэвид окинул взглядом разоренное пространство:

– Судя по всему, сильное было пламя. Где ваш кабинет в этой груде?

– Справа, метрах в шестидесяти, – уныло ответил Рико.

– Пропало что-нибудь из личного?

Директор пожал плечами:

– Мои дипломы. Они висели в рамках на стенах. О членстве в Институте фармацевтики и прочие. Их можно восстановить. И семейные фотографии. Фотографии не восстановишь.

– Чем вы собираетесь заниматься? Хотите переехать в Рим?

– Нет. Мне пятьдесят три года. Мой дом здесь. Отец в доме для престарелых, дети учатся в школе. Придется внимательно изучить условия сокращения.

– Господи, Рико, мы не можем себе позволить потерять вас. – Сказанное звучало совершенно естественно, но Дэвид удивился, с какой готовностью принял на себя роль выразителя позиции «Манфлекс». Прежде он никогда не олицетворял себя с компанией. Только из уважения к отцу посещал заседания правления. – Мы найдем способ сохранить

семью. А пока вы нужны в Милане. Нам необходим временный офис. Сможете подыскать?

– Майкл, я умираю.

Майкл Липман резко обернулся и посмотрел на Мэнни Флекснера. Тот был серьезен, но это ничего не значило. Мэнни умел душить окружающих его бедолаг с непроницаемым лицом. Липман часто не понимал его чувства юмора.

Отобедав в ресторане «Ратнерс» блинчиками с пивом, они по предложению Мэнни прошли по крытому рынку на Эссекс-стрит в Нижнем Ист-Сайде. Это место кипело жизнью, было пропитано вкусными ароматами хлеба и сыра и мало подходило для трагических признаний. Но кто может предсказать, что придет на ум Мэнни?

– Я правильно расслышал?

– Откуда мне знать?

– Мне показалось, вы сказали, что умираете.

– Точно.

– Это правда?

Босс мрачно кивнул:

– Сегодня утром я был у своего врача. Недавно он посылал меня на анализы. Результаты пришли. Неоперабельный рак. Мне осталось полгода, может, девять месяцев.

Липман изумленно посмотрел на него. Ничто по-прежнему не указывало, что сказанное – всего лишь черный юмор.

– Но это невозможно!

– Именно так я заявил врачу. Все мои функции остались при мне: читать не разучился, наслаждаюсь хорошей едой и, когда хочется, приглашаю женщину в постель. Не отчаиваюсь, что не гигант в этой области, но все, что имею, в рабочем порядке. Он ответил: «Вот и хорошо. Многим не так повезло. Они чахнут и впадают в отчаяние». Я, по крайней мере, уйду с размахом. Я сказал, что не верю ему. Он предложил заключить пари. Хорошо, доктор, согласился я, ставлю пятьдесят баксов, что доживу до Дня благодарения. Не сомневался, что куш мой. Но доктор настаивал, чтобы мы положили деньги в конверт и оставили в его приемной, поскольку он не хочет тревожить моих душеприказчиков. Вот тут меня проняло, Майкл. Моих душеприказчиков. Он говорил на полном серьезе. – Мэнни вздохнул, его губы дрогнули. – Я не стал заключать пари.

– Вам надо перепровериться. – Липман старался быть искренним, но, переваривая печальную новость, невольно прикидывал, как она повлияет на его будущее. Он поверил тому, что сказал босс.

– Чем больше анализов, тем больше причин для расстройства. – Мэнни поморщился. – Нет уж, покорнейше благодарю. Предпочитаю провести последние дни на земле с пользой – буду грабить банки, пока есть силы.

Он повернулся к женщине за фруктовым и овощным прилавком. Наверное, она слышала его последние слова, потому что ее глаза округлились.

– Не обращайтесь внимания. Несу что попало. Сколько стоят ваши ананасы? – Он выбрал самый крепкий из кучи. – Ты часто покупаешь ананасы, Майкл? Они могут выглядеть снаружи хорошими, как я, а начнешь резать, внутри гниль. Не обижайтесь, – сказал он продавщице. – Я возьму вот этот.

Они дошли до конца торговых рядов и повернули обратно на Деланси-стрит.

– Все не так плохо для «Манфлекс», – продолжил Мэнни. – Будут перестановки в руководстве, но мы справимся.

Липман покрылся мурашками.

– Моя доля акций перейдет к Дэвиду, у него будет контрольный пакет, и все образуется.

– Вы прочтите его на роль председателя? Дэвида? – Липман старался сохранить небрежный тон, но не мог скрыть потрясения.

– Перефразирую Шекспира: некоторые рождаются управленцами, другие достигают этого навыка, третьим же, как моему сыну, приходится мириться с ролью.

– Рынку это не понравится, – заметил Липман, равнодушный к величию классика.

– Не понравится, что меня сменит Дэвид?

– Что увидите вы, – дипломатично ответил он.

– А какой у меня выбор?

– Справедливо, – кивнул, помолчав, помощник.

– Ему потребуется твоя поддержка.

– Он может рассчитывать на меня.

– И твоя хватка в бизнесе. У тебя она есть, а у него нет.

– Разумеется, я помогу ему. – Майкл Липман говорил как на автопилоте. Новость о болезни Мэнни была неприятна сама по себе. Но перспектива получить в председатели Дэвида...

Мэнни переложил ананас в другую руку, а правую положил помощнику на плечо.

– Спасибо, Майкл. Не надо говорить, что акулы будут ходить кругами, но я верю в своего мальчика. Мне нравится, как он формируется. Если хочешь знать, вчера вечером я звонил Рико. Дэвид прекрасно справляется, а закрывать завод – непростое дело.

Этот навык вскоре может пригодиться гораздо ближе к дому, цинично подумал Липман, а вслух произнес:

– Вы ему сообщили?

– О чем?

– О том ужасном, что поведал вам врач.

– Пока нет.

– Хотите повременить?

– На этой стадии ему вообще не следует знать. А может, вообще не нужно говорить.

Липман нахмурился:

– Но мне-то вы сказали. И ему должны. Дэвиду необходимо привыкнуть к этой мысли.

– Ты меня не услышал. О том, что ему придется смириться со своей новой ролью управленца. Пусть у него не останется

времени на размышления. Иначе он постарается как-нибудь увильнуть.

Липман не настаивал. С точки зрения компании, Мэнни прав, что принял обескураживающее решение назначить преемником сына. Так какой смысл переживать, что будут затронуты чувства Дэвида, когда его собственные растоптаны в грязи? Запутавшийся старый придурок намечает компании будущее, не упомянув, что она может быть уязвима для захвата.

– Мы скатились ниже, чем я предполагал, но в настоящее время в приличной форме, и у нас солидный денежный поток.

– Главным образом за счет капрофикса.

– Что плохого в капрофиксе? Он помогает миллионам людей избавляться от ангины.

– Ничего плохого, кроме того, что он устарел.

– С тех пор как я ограничил расходы на исследовательские программы, наш коэффициент рентабельности поднялся на 2,6 пункта. Ты говоришь о капрофиксе так, словно это единственное, что у нас есть. Мы располагаем широким спектром стабильно продающихся лекарств. В прошлом году получили дополнительно из Пенсионного фонда свыше десяти миллионов. Согласен, хорошо бы заполучить препарат, который пойдет нарасхват.

– Скоро мы это почувствуем.

– Что?

– Скоро он нам очень понадобится.

– Не буду спорить.

Но Липман не собирался отступать:

– Мы упустили возможности с бета-блокаторами, сальбутамолом от астмы, леводопой для лечения болезни Паркинсона, с H-2 блокаторами гистаминовых рецепторов...

– Хватит! – раздраженно прервал Мэнни. – Я усвоил суть. Мы слишком много поставили на фидоксин. Это был самый большой прокол за всю мою карьеру. Однако у нас незапятнанная репутация. Компанию не преследовали в судебном порядке. Я могу предстать перед создателем, сознавая, что никому не навредил по халатности.

– Если не считать нанесения урона окружающей среде, – не сдержался Липман.

– Ты о чем?

– Нас оштрафовали за загрязнение французских и итальянских рек.

– Хватит доставать меня, Майкл!

Некоторое время они шли молча, испытывая неловкость оттого, как изменилась ситуация.

– Вы что-нибудь скажете совету, пока нет Дэвида? – наконец спросил Липман.

– О своем состоянии? Нет необходимости. Они узнают, когда я соскочу с поста.

– То есть вы хотите, чтобы я хранил ваше намерение в тайне?

– Пока да. Как же я мог открыться такому мерзавцу, как ты? Позор.

Мэнни повернулся и посмотрел на Липмана. В глазах мелькнул веселый огонек, но лицо оставалось печальным. На сей раз Флекснер никого не разыгрывал.

Глава восьмая

Три черных лимузина проехали по Центральному парку недалеко от Резервуара и, остановившись, высадили группу коренастых мужчин в пестрых тренировочных костюмах. Их хватило бы на целую футбольную команду с той лишь разницей, что футболисты не чувствовали бы себя так сконфуженно. Они оглядывались через плечо, словно боялись, что кто-нибудь из знакомых наблюдает за этим балаганом. Последним выбрался из передней машины Массимо Гати, влиятельный человек в италоамериканской общине – или, по крайней мере, в той ее части, которая нуждается в круглосуточной охране. В отличие от остальных, Гати был толстеньким коротышкой и страдал высоким давлением, которое побудило его бегать трусцой.

Для разминки он сделал несколько легких упражнений – развел руки и изобразил бег на месте. Сопровождающие Гати застенчиво пытались повторять его движения. Затем он потрусил вперед и с командой за спиной стал напоминать более низкорослое и более упитанное воплощение недавнего президента США.

Как всегда, в парке было много нью-йоркских поклонников фитнеса. Одним из них в это утро оказался и Майкл Липман. Он попросил Гати о срочной аудиенции, и пробежка стала более здоровой и освежающей заменой делового зав-

трака. Заметив группу, Липман прибавил скорость и ринулся навстречу. Он был из немногих вызывающих зависть людей, кто редко занимается физкультурой, но умудряется сохранять форму.

– Добрый день, синьор Гати!

Их свела цепь посреднических дел, такая длинная, что утомительно рассказывать. Гати ценил Липмана за то, что тот изучил всю подноготную фармацевтической индустрии – легальной фармацевтической индустрии. Во время мирового финансового кризиса фармацевтика осталась одной из немногих отраслей, обещающих хорошую прибыль. Лекарства – необходимость, поэтому эта индустрия, насколько возможно, защищена от рецессии. Ставка на нее – то, что предлагал Липман, а Гати считал соблазнительным.

Ответный кивок итальянца мог означать приветствие. Не в его привычках было здороваться с людьми даже в обычных обстоятельствах. После нескольких минут трусцы он двигался рывками и с шумом втягивал воздух.

Долгая беседа явно исключалась, поэтому Липман, поравнявшись с Гати, сразу перешел к делу:

– К большому сожалению, в нашей организации сбой.

Гати остановился и махнул рукой сопровождению, чтобы те отстали. Телохранители отступили назад, и вся группа последовала дальше, но уже с подобающим разрывом между лидером и остальными.

– Ну, в чем дело?

– Мэнни Флекснер был на осмотре у врача и выяснил, что ему осталось жить всего несколько месяцев, – объяснил Липман.

– И что из того?

– В этом проблема.

– Его проблема, не моя, – со свистом выдохнул Гати.

– При всем уважении к вам, это ясно как день. Он сказал, что собирается оставить пост.

– Уйти в отставку?

– Да.

– Что в этом плохого?

– Хочет посадить на свое место сына.

– У него есть сын?

– Да.

– Ты мне не говорил.

– Прошу прощения, синьор Гати. Признаю, надо было раньше известить вас. Но я не принимал в расчет Дэвида Флекснера. Он совсем не интересуется делами.

– Он в правлении?

– Да.

– И ты не принимал его в расчет?

– Нет.

– Родного сына Флекснера?

Вопросы были заданы, чтобы укорить Липмана, и тот забеспокоился.

– Дэвид сидит на заседаниях и ничего не говорит, – сказал

он в свою защиту.

Массимо Гати снова прекратил бег. Сопровождающие тоже остановились, но на таком расстоянии, чтобы не слышать, о чем говорит босс. Липман замер и покорно ждал, когда итальянец начнет снимать с него стружку.

– Мы заключили соглашение, мистер Липман, – произнес коротышка. – Тебе нужны деньги. Ты пришел ко мне с предложением. Отлично. Оно понравилось моим людям, и мы тебя поддержали. Делали все, как ты говорил. Ликвидировали завод в Милане. При этом погибли два хороших человека.

– Я этого не предлагал, синьор Гати, – возразил Липман. – Вы захотели сделать приобретение по минимальной цене. Я никогда бы не посоветовал поджог.

– Умерли два хороших человека, – повторил итальянец. – Напрасно.

– Отнюдь не напрасно. Давайте начистоту. Благодаря пожару вы добились того, чего хотели. Новость о потере завода обрушила акции «Манфлекса». Стоимость слегка восстановилась после того, как вы начали покупать. Это же вы и ваши подручные приобретали акции по минимально возможным ценам?

Ответа не последовало.

– Держатели акций теряют доверие, – напирал Липман. – Положение Мэнни Флекснера на посту председателя пошатнулось. Не сомневаюсь, что сумел бы произвести в правлении переворот. У Мэнни нет плана спасения. Ресурсы исто-

щены – можно брать голыми руками.

– Так в чем разница?

– Он смертельно болен. Мои предполагаемые сторонники теперь поддержат его сына из жалости или лояльности. Воля умирающего и прочая мура. У меня нет шансов все разрулить.

Гати обжег его взглядом:

– Мистер Липман, мне плевать, кто сидит в кресле председателя. Ты заключил со мной миллиардное соглашение и должен выполнять его. Понимаешь, что произойдет, если договор сорвется?

Через три дня после приезда в Италию Дэвид Флекснер устроился во временном офисе в Милане с телефонной системой, факсом, ксероксом, текстовым процессором и ПА¹, чье имя очень подходяще звучало – Пиа. Она была небольшого роста, с короткими золотисто-каштановыми волосами и глазами цвета вишни. Пиа была настолько эффектна, что Дэвид решил, что сделает ее главной героиней, если когда-нибудь придется снимать фильм в Италии, независимо от того, умеет она играть или нет. Как только Пиа вошла, ее умение говорить по-английски, как диктор Би-би-си, и владение всей секретарской техникой показались второстепенными. По тому, как она виляла бедрами, Дэвид предположил, что девушка не относится к непримиримым феминист-

¹ Персональный администратор. – Здесь и далее прим. пер.

кам. Да он и сам не являлся сторонником подобных крайностей.

Дэвид лишь отметил, какой красоткой была Пиа, но удобного случая познакомиться с ней поближе ему не выпадало – следовало разгребать последствия пожара на заводе. Рико назначил встречи со страховщиками, представителями профсоюзов, кадровиками и с журналистами главных городских изданий – основного источника информации, которым пользуются рабочие. Утром в ближайшую субботу решили собрать всех работников компании «Манфлекс» в Италии. Местом встречи назначили кинотеатр на юго-западе Милана. К тому времени у Дэвида появится реальная информация об условиях сокращения кадров. Предыдущий день он провел с бухгалтерами. Не хотел посвящать жизнь фармацевтической индустрии, но за решение итальянской проблемы взялся с энергией и пониманием. Сотни людей потеряли источник существования, и он обязан обойтись с ними порядочно и справедливо.

В четверг вечером Пиа вплыла в кабинет с двумя мужчинами, которые явно не значились в списке деловых встреч. На сотрудников компании они были не похожи – вели себя слишком дерзко. Оценивающе уставились, словно прикидывали, каких размеров ему понадобится гроб. Раздосадованный тем, что его пытаются запугать, Дэвид неодобрительно рассматривал их костюмы из магазина готового платья и тусклые галстуки в полоску. У одного, лет сорока, были ко-

ротко стриженные волосы.

– Они из полиции. – Пиа могла бы этого не объяснять. Она повернулась к посетителям, чтобы спросить их имена.

Они не говорили по-английски. Коротковолосый оказался комиссаром Дордони, что звучало вполне солидно. А чин второго был, видимо, настолько низок, что он не заслуживал представления.

– У вас есть какая-нибудь информация о пожаре? – Дэвид первым задал вопрос, и Пиа перевела его слова.

То, что сказал комиссар, не было ответом. Он спрашивает список всех, кто работал на заводе, объяснила помощница.

– Нет проблем, предоставим.

– Он хочет комментарий по каждому человеку.

– Комментарий?

– Жив или нет.

– Это не так просто. Мы не успели связаться с каждым. Вот проведем субботнюю встречу и тогда выясним. А в чем, собственно, дело? Насколько мне известно, на пожаре никто не погиб.

Снова начался процесс перевода. Комиссар Дордони говорил быстро, словно его выводила из себя задержка. И при этом смотрел на Дэвида влажными черными глазами, напоминавшими свежие овечьи какашки.

– Он говорит: машина... – Пиа что-то переспросила у комиссара Дордони. – «Альфа-Ромео» с откидным верхом в тот вечер, когда случился пожар, попала в аварию на сель-

ской дороге. Машина разбилась в трех тысячах метров – это около двух миль – от завода фирмы «Манфлекс». Взорвался бензобак, и кузов сильно обгорел. – Пиа повернулась к Дордони, чтобы выслушать дальше, и продолжила: – Обнаружили обожженные трупы двух мужчин. Их личности не установлены.

– Он пытается связать этот случай с происшествием на заводе?

– Утверждает, что «Альфа-Ромео» ехала со стороны вашего завода. По следам протектора можно судить, что в момент аварии, когда она вылетела с дороги, скорость была очень высокой. Машина пару раз перевернулась. В багажнике находилось пять канистр из-под бензина.

Дэвид, нахмурившись, молчал. Ему на помощь пришла Пиа:

– Думаю, он предполагает, что эти люди могли поджечь завод, хотя не утверждает категорически.

– Чего же он хочет от меня?

Пиа снова обменялась несколькими фразами с Дордони.

– Он говорит, что дознаватели пожарной службы не исключают поджога. И спрашивает: не знаете ли вы людей, которые могли иметь намерения уничтожить завод?

– Нет.

Комиссару Дордони перевод не потребовался. Он разразился бурным потоком итальянских слов. Оказавшись между двумя сторонами, Пиа выполняла свои обязанности с за-

видным хладнокровием. Чуть изогнула брови и объяснила:

– Он хочет, чтобы я вам объяснила, что неблагоразумно отказываться сотрудничать с полицией.

– Если это угроза, Пиа, скажите этому заносчивому придурку, что мне плевать. Я говорю правду. У меня нет оснований подозревать кого-либо из тех, кто на нас работает или работал. – Помолчав, Дэвид добавил: – Нет, скажите ему вот что: такая возможность нас сильно тревожит, и он может рассчитывать на наше сотрудничество.

Его слова немного снизили напряжение. Комиссар и помощник обратились к фактам – потребовали фамилии двух охранников, часы их дежурства, количество работников на заводе и прочее. И все получили. Еще они попросили список рабочих с адресами, но это Дэвид мог дать им только после субботнего собрания.

– Если бы у него было описание двух погибших в машине, – обратился он к Пиа, – мы могли бы выяснить, не знаком ли кто-нибудь с ними.

Дордони зло рассмеялся и, выговаривая слова, потирал пальцами.

– Они обгорели до неузнаваемости, – бесстрастно перевела Пиа. – Наверное, судмедэксперты смогут что-то определить, но это произойдет через несколько недель или даже месяцев.

– Что насчет машины?

Комиссар ответил, что с «Альфа-Ромео» были сняты но-

мерные знаки. А то, что осталось от кузова, вряд ли поможет опознанию. Дэвид повернулся к Пиа и произнес:

– Спросите его, пожалуйста: если погибшие не опознаны, есть ли у него улики, позволяющие связать их с нашей компанией?

Помощница переговорила с полицейским и ответила:

– Нет.

– Значит, предположение?

– Это вопрос?

– Не надо переводить. Спросите о другом: при каких обстоятельствах произошла авария?

Казалось, помощнице не хотелось озвучивать этот вопрос.

– Он уже сказал. Автомобиль ехал слишком быстро и перевернулся.

– Но почему? За ним гнались?

Пиа снова обратилась к комиссару и получила невразумительный ответ.

– Неизвестно.

Дордони дал знак своему спутнику, что пора уходить. Нечего, мол, напрашиваться на идиотские вопросы.

– Участвовала ли в аварии другая машина? – не отступал Дэвид.

Пиа быстро перевела. Комиссар пожал плечами, но все-таки решил пояснить. Обернулся и произнес пару фраз. Теперь пожала плечами Пиа.

– Машина следовала по идеально прямому участку доро-

ги. Но потеряла управление. По следам от покрышек можно судить, что разрыва колеса не было. Странные обстоятельства. По-английски вроде говорится – рука Божья.

Позднее Дэвид спросил мнение Рико Виллы по поводу этого инцидента. Тот презрительно посмеялся над предположением полицейских, что в автомобиле ехали поджигатели.

– Почему бы не допустить обыкновенную случайность? Типично полицейский образ мыслей: хвататься за первое, что приходит в голову. Если два несчастных случая произошли в один вечер, то им обязательно нужно их связать.

– Они произошли всего в двух милях друг от друга. – Теперь уже Дэвид выступал в роли комиссара Дордони.

– Пара пьянчуг надрались и перевернулись на дороге. Что в этом зловещего?

– Откуда известно, что они были пьяны?

– Вы в Ломбардии, мой друг. Пробовали когда-нибудь «Ольтрепо Павезе»?

– У них в багажнике нашли пустые канистры.

– Вероятно, фермеры. Чтобы сельхозтехника двигалась, ей нужен бензин.

– Полицейский сказал, что с машины сняли номера.

– Дети. Охотятся за сувенирами. Хватают все, что плохо лежит.

Дэвида не слишком удовлетворило объяснение, и он об этом сказал.

– Хорошо, – кивнул Рико. – Через два дня у нас будет

список всех работников отделения «Манфлекс» в Италии. Тогда узнаем, не пропал ли кто-нибудь из них. Хотите пари?

– Погибшие в машине необязательно работники «Манфлекс». Как заметил Дордони, они могут быть из числа уволенных. Или вообще со стороны.

– Будет вам! – Рико положил руку ему на плечо. – У нас есть дела поважнее. Полиция потратит на расследование месяцы, а то и годы, а потом запишет дело в нераскрытые.

Впервые за годы их дружбы Дэвид почувствовал неловкость в компании Рико.

Глава девятая

– Что конкретно ты делаешь в той школе? – однажды вечером спросила Стефани, когда они собирались поужинать. Стоявшая в духовке кастрюля дышала ароматом цыпленка, но овощам в микроволновке требовались их положенные семь минут.

– Сижу, наблюдаю.

– А можешь чем-нибудь помочь?

– Позднее. А пока я занимаюсь тем, что мне лучше всего удастся – складываю из фрагментов картину. Из восьми элементов. – Даймонд говорил равнодушным тоном, хотя знал, что жену заденут его слова. Иногда он испытывал странное удовольствие, выставляя себя в роли жертвы едким замечаниям Стефани.

– Сколько фрагментов умудрился потерять?

– Злючка. Ни одного. Они размером с твою голову.

– Это, я так понимаю, на благо детей?

– Естественно.

– То есть ты собираешь вместе с ними?

Даймонд улыбнулся:

– На это можно только надеяться. Я собираю, они растаскивают.

– Наоми тоже в вашей компании?

– Наоми? Нет.

- Почему? Складывать картинки – из тех элементарных занятий, когда уже все сказано и сделано. Язык не требуется.
- Она ни в чем не участвует. Абсолютно пассивна.
- Боится остальных?
- Девочка вела себя так же до того, как оказалась в школе.
- Чем-то напугана?

Даймонд кивнул. Жена наверняка права.

- Но в школе настаивают, что она страдает аутизмом?
- Диагноз не окончательный. Аутизм – удобный ярлык для целого спектра не приспособленных к окружающей среде детей. Клайв, например, устраивает беспорядок и стремится забиться в угол, где, как ему кажется, безопасно. Наоми на него нисколько не похожа. Сидит там, где ей говорят, но выключена из действительности. Ее поведение отличается от поведения Клайва, однако их обоих считают больными аутизмом. Разве так можно?

Его рассуждения были прерваны пятью электронными сигналами. Микроволновая печь являлась символом более благополучных времен. Питер купил ее в тот день, когда уходил из полиции, но она казалась старше, обильно заляпанная во время ремонта в кухне. Некоторые пятна так и не удалось отмыть.

– Овощи надо еще немного подержать в духовке, – напомнила Стефани. – Ты не забыл Максин Бекингтон, одну из моих девчонок-скаутов? Она недолго продержалась в группе, хотя у нее светлая голова.

– Может, именно поэтому, – предположил Даймонд.

– Что?

– Долго не продержалась. Если, как ты утверждаешь, у нее была светлая голова. Наверное, не понравилось отплясывать вокруг поганки только потому, что ее объявили фаллическим символом.

Жена обожгла его взглядом.

– Вот что я хотела сказать: у Максин был братик – предмет зависти всех матерей – покладистый малыш, готовый лежать в коляске, на сколько бы его ни оставляли. Я его видела – ангелоподобный карапуз с потрясающими большими голубыми глазами. Он никогда не плакал. Не мешал родителям спать по ночам. Но прошло время, и этот ангельский ребенок стал вызывать у них беспокойство. Они заметили, что он вообще не плачет, даже когда голоден. Если бы родители не придерживались заведенного распорядка кормежки, ребенок голодал бы и не жаловался. Вот как бывает: то, что сначала казалось Божьим даром, обернулось причиной большой тревоги. И небезосновательно. Впоследствии ему поставили диагноз – аутизм. Твоя Наоми на него похожа.

– Могу представить, что в младенчестве она вела себя именно так, но сравнивать все равно нельзя, – возразил Питер.

– Почему?

– От Масгрейв я усвоил хотя бы то, что диагноз «аутизм» должен ставить специалист. Любые признаки – отчужден-

ность, странные движения, трудности с речью – могут характеризовать другие состояния. Аутизм определяется по целому ряду симптомов. Их сочетание разнится. Не все младенцы ведут себя так, как тот ребенок, о котором ты говорила. Некоторые бунтят и плачут с первого дня жизни и не хотят, чтобы их утешали.

– Кошмар для матерей, – вздохнула Стефани. – А на вид нормальные дети.

– Некоторые чудо как хороши. Ты сама употребила слово «ангелоподобный». Для страдающих аутизмом детей характерны большие глаза и симметричные черты лица. Они действительно не от мира сего.

– Наоми такая же?

– Пожалуй, да.

– Плачет, дерется?

– Никогда.

– А если ее к этому вынуждают?

Даймонд нахмурился:

– Никто не желает девочке зла. Она и так натерпелась.

– Может, обижают другие дети?

– Они между собой не ссорятся. Слишком замкнуты в собственных мирах.

Стефани взяла перчатки и достала из духовки кастрюлю. Она разложила еду по тарелкам. Прожевав несколько кусочков, Даймонд продолжил:

– Хотел бы я посмотреть, как бы обошлись с Наоми ум-

ники из полицейского колледжа. Она стала бы хорошей проверкой их методике сбора информации.

— Я смотрю, ты склонен ответить на вызов.

— Я? — Даймонд в шутливом удивлении поднял брови.

Стефани усмехнулась:

— Ты и эта девочка напомнили мне слова моего школьного учителя по физике о ситуации, когда непреодолимая сила встречается на своем пути непоколебимый объект. Каков, по-твоему, исход?

Договориться с Джулией Масгрейв оказалось легче, чем ожидал Даймонд. Те десять дней, когда он наблюдал за занятиями и иногда помогал, развеяли ее страхи, что он будет обузой. А по вопросам, которые задавал после уроков в учительской, стало очевидно, что Даймонд быстро начинает разбираться в трудностях обучения неполноценных детей.

Педагоги в школе оказались беззаветно преданными своей работе. С детьми занимались четыре постоянные учительницы и три частично занятые помощницы. Плюс грозная миссис Строу, у которой, кроме охраны входа, был целый список других обязанностей, включая надзор за подопечными во время игр, первая помощь, ведение документации и подогрев привозимых службой доставки обедов.

Даймонд уговорил Джулию Масгрейв освободить Наоми от занятий на последний час в пятницу, чтобы попытаться пробить стену ее безразличия. В их распоряжение предоста-

вили учительскую. Эта маленькая комната в задней части здания предназначалась и для работы, и для отдыха. Вдоль стен выстроились письменные столы, в дальнем конце у окна приютился столик с набором для приготовления кофе. У низкого стола с журналами и газетами расположились три кресла. Даймонд принес детский стул и размышлял, куда лучше его поставить. Наконец устроил так, чтобы тот стоял около кресла. Залил кипятком растворимый кофе и сел.

На пороге появилась миссис Строу:

– Мисс Масгрейв велела привести сюда Наоми.

Она дала понять своим тоном, что, по ее твердому убеждению, начальница тронулась умом. Миссис Строу не могла избавиться от неприятного чувства к Даймонду из-за того, каким способом он проник в их заведение. Но приказание исполнила – предъявила скрывающуюся за ее юбкой девочку и подтолкнула к стулу.

Как обычно невозмутимая, Наоми села лицом к Даймонду. Она была в красном вельветовом платье и черных колготках.

– Со мной ей ничто не грозит, – заверил Питер. – Вам нет необходимости присутствовать здесь. Будьте любезны, когда станете уходить, закройте за собой дверь.

Оставшись наедине с Наоми, он попытался изобразить ободряющую, как ему казалось, улыбку. Выражение лица девочки не изменилось, она по-прежнему упиралась взглядом во что-то в дальнем конце комнаты, хотя дородная фигура

Даймонда загораживала обзор.

Много раз за свою полицейскую карьеру он допрашивал застенчивых или запуганных детей. Но только Наоми заставила с такой оглушающей ясностью почувствовать, что она не просто маленькая, а почти неощутимая. Она спокойно сидела, положив руки на колени и скрестив в лодыжках ноги, и не проявляла ни малейшего интереса к незнакомому окружению.

Даймонд потянулся за кофе, сделал глоток и тут сообразил, что Наоми, возможно, тоже не отказалась бы от какого-нибудь питья. Оранжад и другие безалкогольные напитки в школе были запрещены, поскольку, как считалось, вызывали у детей привыкание. Но молоко разрешалось. Даймонд встал и из стоявшего рядом с чайником пакета наполнил до половины картонный стаканчик. Подал девочке. Та ухватила обеими руками и поднесла ко рту.

Питер понимал, что это не прорыв. Последние недели, чтобы не умереть, она должна была есть и пить. Но, по крайней мере, позитивное действие. Он наблюдал, как она пьет из стаканчика.

– Еще? – Даймонд показал на пакет. – Наоми, еще?

Никакой реакции. Он потянулся за стаканчиком, она не обратила внимания.

– Хорошо. Держи его, если хочешь.

Даймонд наполнил до краев свою чашку и вернулся в кресло. Столкнувшись с безразличием такой крохи, он ощу-

тил себя толще, чем всегда. Наоми смотрела вперед из-под челки миндалевидными глазами. Если она и видела Даймонда, то лишь то место, где его галстук касался лацкана пиджака. Но взгляд ее не был направлен туда. Даже если бы Даймонд сполз с кресла, чтобы находиться на одном уровне с девочкой, то и тогда не удалось бы добиться зрительного контакта с ней.

Он знал, что отсутствие зрительного контакта – одна из характеристик присущей больным аутизмом модели поведения. Учитывая нежелание Наоми говорить и безразличие к окружающему, диагноз «аутизм» в отношении нее мог превратиться в приоритетный. Из разговоров с Масгрейв и из того, что удалось прочесть, Питер выяснил, насколько трудно родителям и педагогам оценить действительное состояние ребенка и еще сложнее смириться с его неизлечимостью. Обманутые тем, что ребенок во многих отношениях здоров и внешне нормален, люди тщетно пытаются выпустить на свет его плененную болезнью личность. Вполне возможно, что и он занялся такими же бесперспективными упражнениями.

Даймонд подался в кресле вперед, протянул правую руку и слегка коснулся указательным пальцем груди девочки:

– Наоми.

Она никак не отреагировала. Тогда он указал пальцем на свою грудь:

– Даймонд.

Узнавание личностей – начальный шаг к взаимопони-

манию. Первые слова, которые учится произносить ребенок, — «мама», «папа». Как только усваивается принцип смысла, открывается мир языка. Снова никакого результата. Он повторил действия и слова несколько раз, но опять впустую. Подумал: если не удастся добиться вербальной реакции, может, попробовать заставить ее ответить жестом со смыслом? Осторожно отобрал картонный стаканчик и взял в руку маленькие пальцы, ощутив их тепло. Наклонившись к девочке, прижал ее ладонь к своей груди и назвал свое имя. Ни искры понимания. Даймонд отпустил ее руку. Она безжизненно упала на колено. Не надеясь на успех, он показал на себя и назвал фамилию. Тщетно.

Если бы удалось добиться какой-то реакции, это послужило бы основой для дальнейших отношений. Питер сдвинулся к краю кресла. Теперь девочке, чтобы до него дотронуться, стоило только протянуть руку.

— Даймонд, — повторил он.

Наоми качнулась вперед, и на мгновение ему показалось, будто она размышляет, как поступить. Ее взгляд был прикован к нему. И вдруг она вонзила зубы в его нос. Больно укусила.

— Господи!

Боль была сильной. Даймонд вскрикнул и отпрянул. Закрыв рукой нос. Ладонь покраснела от крови, капли падали на руку. Он вскочил и оглянулся — не найдется ли чего-нибудь, чтобы остановить кровотечение. Ничего не обнаружив,

шагнул к двери, предоставив Наоми самой себе – сидеть на стуле с руками на коленях.

Миссис Строу оказалась в кухне и не посчитала нужным скрыть, что ее позабавило происшествие.

– Это она вас так отделала – весь нос ободрала?

Питер поспешил к крану и подставил лицо под струю холодной воды. Миссис Строу достала из аптечки вату и дезинфицирующую жидкость, и Питер попросил ее отвести девочку обратно к мисс Масгрейв. На сегодня встреча один на один завершилась. Первую кровь пустила Наоми.

Что такого в человеческих носах, что люди не принимают их всерьез? Если бы пластырем был заклеен кончик его подбородка, это ни у кого бы не вызывало улыбок. Питер понимал, что выглядит потешно, но пластырь был необходим. Несмотря на маленький размер ранки, кровотечение не прекращалось. Острые передние зубки Наоми содрали с кончика носа лоскут, и это место постоянно мокло. Но хотя бы улыбка Джулии Масгрейв была сочувственной:

– Один из рисков в нашей работе. Меня куда только не кусали, а вот нос пока цел. Как это ей удалось?

Питер объяснил, и Джулия заметила:

– Вы вторглись в ее пространство. Они патологически боятся, если к ним приближаются. Вы же видели, как Клайв бросается к книжному шкафу, как только оказывается в моем кабинете.

– Когда вы сказали «они», то имели в виду больных аутизмом детей?

– Да.

– Наоми не такая, – настаивал Даймонд. – Она сидит там, где ей говорят, и никуда не убегает.

– Я же вас предупреждала, что их поведение может различаться. Речь идет о психическом, а не о физическом состоянии, как, например, со свинкой, у которой всегда одни и те же симптомы. У одних наблюдается агрессия, другие ведут себя пассивно.

– Да, на днях вы мне это объясняли.

– Так что не ясно?

– Почему она укусила именно меня? Разве прежде никто не вторгался в ее пространство?

Джулия Масгрейв кивнула:

– Понимаю, о чем вы говорите. Наоми в первый раз кого-то укусила или проявила агрессию.

– Может, научилась у Клайва?

– Кусаться? Не исключено, хотя они не очень подражают друг другу – слишком независимы.

– Вы продолжаете говорить «они», – раздраженно упрекнул Даймонд.

Укус и потеха, которую он всем доставлял, выводили его из себя. Прежние коллеги по службе в полиции сказали бы, что начал проявляться его истинный характер.

– Давайте представим, что Наоми не страдает аутизмом.

У нее другие проблемы, мешающие ей говорить. Разве не может на нее повлиять то, что делают другие дети?

Джулия Масгрейв вздохнула:

– У меня складывается впечатление, что вы идете в тупик. Людям трудно принять, что их дети аутисты.

– Наоми не мой ребенок.

Джулия посмотрела на него долгим взглядом. Не без сочувствия, но с легкой улыбкой, которая не сходила с ее губ с тех пор, как она увидела его нос.

– Вы проявили к ней особый интерес. Вот в чем беда с этими детьми. Они кажутся сообразительными. Могут демонстрировать проблески ума, а в отдельных случаях даже недюжинный интеллект. В пособиях о таких говорится как об умственно отсталых людях, проявляющих способности в одной узкой области.

– Жестоко, – прокомментировал Даймонд.

– Жестокие обстоятельства.

– Для родителей.

– Разумеется. Труднее принять, чем если бы ребенок был просто дебилем. Некоторые больные аутизмом дети, не достигнув года, способны воспроизводить сложные мелодии. Я знала четырехлетнего мальчика, тот помнил каждый такт симфонии Бетховена. Им удаются потрясающие фокусы с цифрами. Они могут спрятать любимую игрушку и через несколько недель или месяцев безошибочно найти ее. Пораженные этим родители убеждают себя, что из-под спуда стре-

мится освободиться гений, надо только найти волшебную методику лечения. Это неправда, Питер. Они останутся такими пожизненно. Память работает превосходно, но остальной мозг нет. Они не могут рассуждать, как вы и я. Не способны соотнести факты с вызвавшей их причиной. Это невероятно огорчает, однако приходится принимать, если хотите с ними работать.

– Разумеется.

– Вы не обескуражены?

– Я не из тех, кто отступает, Джулия. Готов к следующему раунду.

Она посмотрела на него с нескрываемой жалостью:

– Это не боксерский поединок, хотя по вашему носу можно было бы решить обратное.

В метро по дороге домой Даймонд сорвал с носа пластырь – не хотел показываться в таком виде Стефани. Маленькая ранка подсохла, но все еще болела. Нечего было надеяться, что жена не заметит ее, как только он переступит порог.

– Следствие выпивки за обедом? – поинтересовалась жена.

– Наоми.

– Ты вроде бы говорил, что она маленького роста.

– Да. Но я сидел в кресле.

– С девочкой на коленях? – Она помолчала. – Если у тебя возможно отыскать колени, дорогой.

– Упаси господь! Не хватало, чтобы к моему послужному списку прибавили приставание к малолетним. Я наклонился в кресле вперед, стараясь добиться, чтобы она меня коснулась.

– Это звучит еще неприличнее!

– Чтобы показала, что она меня узнает и различает мое имя.

– Она же японка, дорогой.

Даймонд включил телевизор.

– Может, тебе подойти по-другому?

– Как?

– Ты пытаешься достучаться до нее, приняв за аксиому, что она не аутистка. А если поступить наоборот? Иными словами, проверить, так это или нет.

– Каким образом я сумею это сделать?

– Спроси что-нибудь полегче.

После двух бесплодных встреч в учительской с Наоми Даймонд почти уверился, что прогресс невозможен, и признался в этом Джулии Масгрейв. Был час, который в расписании назывался «Время игр», и они находились в школьном саду. Наоми и Раджиндер сидели на качелях, оборудованных ради безопасности дополнительными упорами и боковым ограждением, которые приводила в движение миссис Строу. Ни один из троих, судя по всему, не испытывал удовольствия от этого занятия. Посасывая большой палец,

Табита меланхолически наблюдала за происходящим. Клайв прятался в садовом сарае за мешком с семенами травы.

– Меня восхищает ваша настойчивость, Питер, – произнесла Джулия. – Но вынуждена признать, что вы правы. Пытаетесь пробить головой кирпичную стену. Вы разговаривали с полицейскими? Они забрали одежду Наоми, в которой ее нашли. Вероятно, в ней содержатся какие-нибудь зацепки.

– Не ломайте на этот счет голову. У меня есть знакомые инспекторы. Так вот, они мне рассказали, что одежду Наоми отправили в лабораторию, и оттуда через пару недель пришло заключение на пяти страницах. В нем, если суммировать в двух словах, говорится, что вещи носил ребенок с темными волосами. Еще там сказано, что на них есть этикетки магазина «Маркс и Спенсер». Это сужает круг поиска до пяти миллионов. – Даймонд сорвал веточку лаванды и катал между большим и указательным пальцами, наблюдая, как листочки падают на дорожку. Запах лаванды был любимым ароматом Стефани. – Моя жена считает, что я пошел не тем путем.

– В каком смысле?

– Она советует не искать признаки того, что Наоми здорова, а, наоборот, попытаться обнаружить симптомы аутизма.

– Что ж, это можно обсудить. Ваша жена, судя по всему, умная женщина.

– Уж точно умнее меня.

– Почему бы вам не поговорить с доктором Этлингером?

Сегодня он придет осмотреть Наоми.

Доктор Этлингер был детским психиатром, каким-то непонятным образом прикрепленным к школе Масгрейв. Похожий на тролля, с огромной копной курчавых черных волос, он то ли пришел сам, убедив Джулию, что его помощь необходима детям, то ли его прислали местные органы здравоохранения. Питер Даймонд не имел права голоса – он держался в школе только благодаря доброй воле Масгрейв, – однако решил, что Этлингера нельзя близко подпускать к детям. Раздражительный, упрямый, он был начисто лишен чувства юмора. Несмотря на это, сумел убедить всех в школе, что он мировое светило в области аутизма. И не исключено, что так оно и было.

– Только не тратьте напрасно мое время, – ядовито заявил он Даймонду. – Я из немцев, и меня не интересует ни погода, ни крикет, ни машины. – Отпусти это замечание кто-нибудь другой, и его приняли бы за шутку. Но только не тогда, когда оно исходило от Этлингера.

– Я по делу, доктор, – смущенно заверил Даймонд. Время, когда он с высоты своего чина мог осаживать таких умников-экспертов, осталось в прошлом. – Меня интересует японка Наоми. Ее поместили сюда, поскольку считается, что она страдает аутизмом.

– Верно.

– Согласны?

– Я этого не утверждал. Всего лишь подтвердил ваши сло-

ва.

– А сами вы пришли к какому-нибудь выводу?

– Нет.

– Сомневаетесь?

– Разумеется, нет, – отрезал психиатр. – Колебание ненаучно. Я же объективен. Понимаете разницу? Вы тешите себя сомнениями. Мое мнение непредвзято.

Даймонд хотел сказать, что состояние ума Этлингера интересует его гораздо меньше, чем состояние ума Наоми, но сдержался.

– Девочку надо изучать систематичнее, чем удастся во время эпизодических визитов, – добавил психиатр, – она не моя пациентка.

– Как я понимаю, она демонстрирует классические симптомы аутизма.

– Классические? – Этлингер чуть не задохнулся от возмущения. – Болезнь получила название только в 1943 году. А ее серьезное изучение началось лишь в шестидесятых. Так о каких классических симптомах можно говорить?

– Типичных.

– Могу возразить и против этого.

– Она не говорит, избегает зрительного контакта. Является ли это характеристиками больных аутизмом детей? Если да, то диагноз прекрасно подходит Наоми.

– То, что вы сказали, мистер Даймонд, может указывать на аутизм. Но также присуще поведению хорошо воспитанных

молодых женщин в большинстве стран Азии. Вы об этом не задумывались? Не исключено, что ее поведение определяется культурой ее страны.

Убедительный аргумент, и Даймонд принял его. Казалось, эта мысль давно вертелась в его голове, но он так и не сформулировал ее.

– Но чтобы не проронить ни слова, даже с женщинами из японского посольства?

– Признаю, случай из ряда вон выходящий.

– Тогда каким образом вы устанавливаете диагноз «аутизм»?

Этлинггер вздохнул и посмотрел на стенные часы.

– Хорошо, как его вообще устанавливают? – спросил Даймонд.

– Что вы имеете в виду?

– Рентген, анализ крови, томография? Я не специалист.

– Объективных методов не существует, – презрительно заявил психиатр. – Врач анализирует поведение пациента. Я бы сказал, что любой ребенок с данным синдромом страдает нарушением речи в диапазоне от полной немоты до афазии, когда путает последовательность звуков и слов. Любой ребенок, мистер Даймонд.

Питер мысленно поставил галочку напротив пункта «немота».

– Справедливо по определению, что аутисты подчеркнуто безразличны к людям, особенно к детям. Название

«аутизм», как вам, вероятно, известно, происходит от греческого *аутос* – сам.

Еще одна галочка.

– Наблюдаются также другие симптомы. Например, нарушение моторики.

– Странные движения, как у Раджиндера?

– Да.

– Наоми этим не страдает. У нее прекрасная координация.

Этлинггер кивнул:

– Для некоторых это не характерно. Странно, но иногда они способны сохранять равновесие лучше, чем здоровые дети. Забираются на мебель, легко спрыгивают. Могли бы стать прекрасными канатоходцами.

Что не так-то просто проверить, подумал Даймонд.

– У них не кружится голова, если они крутятся на месте.

– Этого я не знал.

– Постоянно наблюдается.

– Что-нибудь еще?

Этлинггер развел руками:

– Много чего еще, мистер Даймонд. Повторяющиеся движения, как-то битье головой, раскачивание, разглядывание себя в зеркале, вращение предметов, например колесиков игрушечных машинок. Вы должны были видеть, как это делает Клайв.

– Конечно. Но Наоми этим не занимается.

Этлинггер стал перечислять другие симптомы аутизма:

– Аномальная реакция на сенсорное раздражение, такое как боль, тепло или холод. Проявление агрессии при попытке дотронуться до них. – На его губах мелькнула улыбка.

– Вы слышали, что случилось со мной?

– Я могу это видеть.

– Можно ожидать подобных выходов от страдающих аутизмом детей?

– Да, они кусаются.

– Я хотел спросить, добавляет ли это уверенности в диагнозе?

– Ненадежное свидетельство. В следующий раз постарайтесь быть поживее и посмотрите, отреагирует она или нет. Таким детям иногда нравится веселая возня. – Этлингеру, похоже, не приходила в голову мысль о неблагоприятности веселой возни взрослого мужчины с маленькой девочкой.

– Известно что-нибудь о причине подобного состояния?

Психиатр расхохотался:

– Вы сказали: причина? Неизвестны ни причина, ни способы лечения. Одни теории. Больше теорий, чем у меня времени на их перечисление. Лично я считаю, что проблема скорее органическая, чем психическая. Не имеет никакого отношения к тому, что ребенок будто бы отсталый, как считалось раньше. По-моему, аутизм – следствие дородовой, родовой или послеродовой травмы или болезни, повлиявшей на мозг. Только не спрашивайте, как с этим бороться. Практически каждую неделю я читаю, что некий очередной Свен-

гали² добился выдающегося успеха. Даже излечения. Вы можете обнимать этих детей, поощрять, наказывать, изолировать, сажать на диету. Их можно даже обучать. Но обучению поддаются и шимпанзе. Лично я предпочел бы обучать шимпанзе. Они способны на любовь. Страдающие аутизмом дети – нет. Они тираны.

Даймонд слушал его с возрастающей неприязнью:

– Тираны – не научный термин.

Врач-коротышка обжег его взглядом:

– Придумайте более точное. Посидите еще с Наоми, наблюдайте еще, может, что-нибудь придет в голову.

² Свенгали – человек, обладающий даром непреодолимого внушения. По имени героя романа Джорджа Дюморье «Трильби».

Глава десятая

В то утро Даймонд запасся блокнотом для рисования и фломастером. Если эта маленькая неподатливая девчонка не реагирует на звуки, думал он, может, проблема в незнании языка. А если дело поправят символы? Он пододвинул к Наоми стул и положил блокнот на низкий столик. Нарисовал круг, затем второй, меньшего размера. Тело и голова, картинка, пробуждающая детские воспоминания о том, как дождливым днем в летнем лагере играли в «Нарисуй жука». Только на сей раз кружочки означали его собственное тело и голову. Питер добавил ноги-палочки, руки и черты лица. Над каждым ухом начертил волосинки, чтобы обозначились границы лысины на темени. И, ободряюще улыбаясь, протянул Наоми, ткнул себя пальцем в грудь и сказал:

– Даймонд.

Может, он тешил себя иллюзией, но ему показалось, будто девочка взглянула на его творение, хотя и не задержала взгляда. Питер коснулся рисунка и похлопал себя по голове:

– Видишь: Даймонд?

У Наоми не дрогнул ни один мускул. Не желая сдаваться, он сложил лист, загнул и на следующем нарисовал фигурку меньшего размера с намеком на юбку и подобием челки.

– Наоми, – Питер указал на девочку, на ее волосы и, сделав завершающий штрих – поместив на голову бант, спро-

сил: – Нравится? – рассмеялся и сам удивился, как искусственно звучит его смех. – Это ты.

Его рисунок нисколько ее не заинтересовал, она на него даже не посмотрела. Приказав себе не терять терпения, Даймонд вырвал из блокнота лист с изображением себя и положил рядом с изображением девочки, чтобы она заметила разницу в размерах.

– Большой Даймонд, маленькая Наоми. Даймонд, Наоми. Ты и я.

Несколько новых попыток объяснить значение рисунков ни к чему не привели.

– Хочешь порисовать? – Он пододвинул к ней блокнот. По телевизору показывали сюжет, в котором мальчик-аутист рисовал дома с точными деталями и превосходной перспективой. После поездки в Лондон он изобразил собор Святого Павла и другие роскошные сооружения. Впоследствии были опубликованы два сборника его рисунков.

Даймонд не ожидал от Наоми высокого искусства. Хотел, чтобы она хоть что-нибудь нарисовала на бумаге. Взял ее за левую руку и осторожно вложил фломастер между пальцев. Раньше он заметил, что картонный стаканчик девочка держала левой рукой. И помнил об этом.

Наоми пальцы не сжала, и фломастер выпал из ее руки.

– Ты справишься, – сказал он скорее для очистки собственной совести, чем ей. – Уверен, ты справишься. – Питер снова вложил фломастер ей в пальцы и повел ее рукой. В ре-

зультате получился неровный круг. – Вот.

Наоми ее достижения оставили равнодушной.

– Ваша очередь, мисс.

Разочарованный больше, чем решался показать, Даймонд повернулся к девочке спиной и шагнул к кофейному столу. Если сейчас включить чайник, то педагогам, когда они придут на перерыв, не придется ждать. Это и станет единственным достижением сегодняшнего урока. Он проверил уровень воды, щелкнул выключателем и стал смотреть в окно, слушая, как чайник начинает издавать стонущий звук, напоминающий плач ребенка. Затем он почувствовал легкое прикосновение к правой руке. Наоми сама, без всяких просьб, встала со стула, подошла и коснулась его ладони.

Даймонд посмотрел на нее сверху вниз. Мог ли он себе позволить обрадоваться? Девочка не ответила на его взгляд, но и того, что она сделала, было достаточно. Первый доброжелательный жест по отношению к нему и, насколько он знал, к любому человеку в школе. Питер осторожно сомкнул пальцы вокруг ее крохотной ручонки. Они вдвоем стояли у окна в состоянии, близком к гармонии, – непреодолимая сила и не сдвигаемый с места предмет.

В чайнике закипела вода, но в нем что-то сломалось, и он не выключился. Несколько мгновений Даймонд позволял струе пара вырываться из носика, а затем подался вперед и выдернул левой рукой шнур из розетки. Наоми же посчитала это сигналом отнять свою ладошку и вернуться на стул. Пи-

тер улыбнулся, давая понять, что он ее не прогонял. Наоми не отреагировала.

Его глаза затуманились. Нет в тебе ласки, подумал он с сожалением. Да и откуда ей взяться у бывшего копа Питера Даймонда?

Во время ланча он рассказал Джулии Масгрейв об уроке рисования. Они сидели на лавочке под смоковницей в школьном саду и ели сэндвичи. Теперь Питер мог взглянуть на себя объективно и понимал, что, наверное, не следует придавать данному эпизоду слишком большого значения.

– Нет, – возразила Джулия. – В нашей работе полезно все, что может поддержать. Есть дети, вообще неспособные на спонтанные дружеские жесты по отношению к другому человеку. Никогда. Потрясающая новость, Питер. Взглянем правде в глаза: с Наоми еще никому не удавалось добиться успеха. Женщина из посольства вообще отчаялась и на этой неделе не пришла. Позвонила и сказала, что они обсуждают вопрос о том, чтобы направить Наоми в специальную школу для больных аутизмом в Бостоне. Там работают японские педагоги.

– В Бостоне? – удивился Даймонд. – Перевезти девочку в Америку?

– Там достигают великолепных результатов. Из нашей страны туда уже послали нескольких детей. Полагаю, это самый лучший для нее выход. – Джулия помолчала и серьезно посмотрела на Питера. – Школа называется «Бостон Хага-

ши». «Хагаши» по-японски значит «надежда». Разве не разумная идея?

Если идея и была разумной, Даймонд не хотел этого признавать.

– Верю, что вы желаете Наоми добра. Но вдруг у нее нет аутизма?

– Решение не за мной, Питер. Девочка в ведении местных властей.

– Они явно вздохнут с облегчением, если ее удастся сбыть с рук.

– Теперь вы говорите цинично.

– Ответьте мне на такой вопрос: что было конкретно принято, чтобы найти ее родителей?

Джулия вздохнула:

– Полиция делала запросы, но, насколько мне известно, никакой ценной информации не получила. Никто не заявлял о ее пропаже. Куда подевались ее родители? Очевидно, что до того момента, как Наоми нашли, за ней хорошо ухаживали. Чистая, хорошо одетая. Ее бросили, Питер, и, я не сомневаюсь, родители не намерены менять решения. Случается, молодые матери требуют назад новорожденных, которых оставили у чьих-то дверей. Но это не тот случай.

– Согласен.

– Я встречала родителей, у которых иссякли силы, и они почувствовали, что не в состоянии справиться с больными детьми, но никто не оставлял своих чад в «Харродсе».

– С тех пор ведь прошло уже шесть недель?

– Почти.

– В первую неделю ее фотографии публиковали в газетах.

– И показывали по телевизору. Но это ничего не дало.

– Показывали только неподвижный кадр, – задумчиво заметил он. – И только в программах местных новостей. Я хочу, чтобы информацию о ней сообщили в общенациональных передачах. Таких, как, например, «Краймуоч».

Джулия Масгрейв нахмурилась:

– Разве это дело криминальное?

– А как оно называется, если бросают ребенка в ее возрасте?

Она покачала головой:

– Не лучший способ достучаться до ее родителей. Где-то в мире живет ее отчаявшаяся мать.

– Хорошо. Давайте попробуем показать Наоми в каком-нибудь ток-шоу.

– Зачем?

– Говорить будете вы, а девочку увидят миллионы зрителей.

– Питер, я не уверена, что правильно помещать напуганного ребенка перед объективами камер.

Даймонд понимал ее чувство, хотя и не поддерживал.

– Я бы согласился с вами, если бы Наоми была полной идиоткой или шарахалась от людей, как Клайв. Но мы с вами знаем, как она поведет себя на телевидении. Будет спо-

койной и уравновешенной, как всегда. Будет держать себя в руках. Вы не можете этого отрицать. Если она сама, вживую, появится на экране, это произведет гораздо больший эффект, чем застывшая картинка. Хороший шанс на то, что ее узнают.

– Сомневаюсь.

– А мне не нравится перспектива отправки девочки в Америку в то время, как ее родители, возможно, все еще в Англии. Позвольте мне попробовать. Телевизионщики падки на такие сюжеты, а она очень трогательный ребенок.

– Вот именно! – воскликнула Джулия. – Поэтому не хочу, чтобы ее использовали. У нас нет морального права превращать девочку в объект, на который таращатся люди. Как только Наоми покажут по телевизору, тему подхватят газетки. Объявится множество доброжелателей, которые захотят удочерить ее или станут присылать игрушки.

– У нее есть игрушки?

– Наоми они не интересуют, Питер. У нас целый зверинец мягких игрушек.

– Как насчет игрушек с колесиками? – Даймонд вдруг вспомнил замечание доктора Этлингера.

– Она не из вращателей, не сомневайтесь. И вообще, телевидение – средство развлечения. Наоми не развлекательное зрелище. Она – несчастный, легко ранимый ребенок с тяжелым заболеванием.

– Джулия, побойтесь бога, люди не будут смеяться над

ней.

Она пристально посмотрела на него.

– Если бы это был Клайв или Раджиндер, чьих родителей мы не можем найти, потащили бы вы их на телевидение?

– Не на ток-шоу.

– Почему же?

– Они другие. Их поведение непредсказуемо. А Наоми поведет себя безупречно.

– Да что вы говорите? – В глазах директрисы мелькнула смешинка. – Вы уверены, что она не укусит оператора?

Представив подобную возможность, Даймонд невольно улыбнулся.

Внимание Джулии внезапно переключилось на миссис Строу, которая шла к ним со стороны дома. По ее манере держаться – по тому, как она развернула плечи и покачивала бедрами, – было очевидно, что она намеревается сообщить нечто ужасное и требует полного внимания со стороны слушателей.

– В чем дело, миссис Строу? – спросила Джулия.

– Пойдите, посмотрите в учительской, мисс Масгрейв. Кто-то по глупости оставил лежать фломастер. Японская девочка нашла его и разрисовала все обои, которые переклеили всего три месяца назад. Ничего подобного не видела!

Вандализм в учительской впервые с тех пор, как Даймонд ушел из полиции, дал ему возможность заняться расследованием. Автор художеств явно постарался – все стены были

покрыты полной бессмыслицей. Не избежала этой участи и мебель. Нижняя часть комнаты превратилась в то, что одна из учительниц назвала абстракцией Джексона Поллока. Удачное сравнение.

Джулия провела опрос, и выяснилось, что никто не видел, чтобы Наоми рисовала фломастером. Девочку нашли с ним позднее в столовой. Она не хотела отдавать его.

– Пришлось по одному разжимать ей пальцы, – сообщила миссис Строу. – Видимо, она вознамерилась перепачкать всю школу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.